

В.Я. Гельман

ВЕНЕСУЭЛА И МЕКСИКА: НЕФТЬ, АВТОРИТАРИЗМ И ПОПУЛИЗМ

Перефразируя Толстого, можно сказать, что все счастливые страны похожи друг на друга, а каждая несчастная страна несчастна по своему. За последнее столетие Латинская Америка представляла собой целый «заповедник» несчастных стран — от продолжительных кровавых диктатур Дювалье на Гаити или Стресснера в Парагвае до Аргентины — великой неудачницы, проделавшей путь от одного из наиболее динамично развивающихся государств мира до измученно-бесконечными кризисами безнадежного должника. На этом фоне Мексика и Венесуэла — два самых крупных производителя нефти на континенте — выглядят далеко не самыми неблагополучными странами. Обе эти страны длительное время демонстрировали неплохие показатели развития и высокие темпы экономического роста, оставив в своем далеком прошлом гражданские войны и правление жестоких каудильо. Да и среди членов мирового «нефтяного клуба» они также не выглядят «паршивыми овцами»: опыт Мексики и Венесуэлы не имеет почти ничего общего с государствами Персидского залива, не говоря уже о Нигерии, ставшей символом едва ли не всего негативного, что может принести нефть той или иной стране.

Траектории политического и экономического развития Мексики и Венесуэлы различались довольно существенно. Венесуэла — «классическое» нефтяное государство, ставшее своего рода «бензоколонкой»

США еще в 1920-е гг., — на протяжении нескольких десятилетий оставалась одной из немногих стабильных латиноамериканских демократий. Но нефтяной бум 1970-х гг., последующий спад 1980-х и, наконец, неудачные попытки либеральных экономических реформ начала 1990-х подорвали политическое и экономическое устройство страны. В 1990-е гг. Венесуэла пережила коллапс партийной системы и последующий приход к власти харизматического президента страны Уго Чавеса. К середине 2000-х гг. Венесуэла, занимавшая 7-е место в мире по объему подтвержденных возобновляемых запасов нефти (79,7 млрд баррелей — против 60,0 у России) и 9-е место в мире по объему ее добычи (2980 тыс. баррелей в день),¹ претендовала на лидерство среди стран, бросивших вызов господству Запада. Попытки Чавеса сколотить антиамериканский фронт находят поддержку не только в Латинской Америке, но и на широком пространстве от Ирана до Беларуси; в то же время обеспеченная сверхвысокими ценами на нефть популистская экспансия венесуэльского государства, встречающая весьма широкую поддержку со стороны бедных слоев общества, создает большие проблемы для перспективного развития страны. Напротив, Мексика, где в течение семи десятилетий сохранялся самый успешный в мировой истории некоммунистический однопартийный режим (относительно либеральный по меркам авторитаризма), вошла в число лидеров международного «нефтяного клуба» относительно поздно. Лишь в конце 1970-х гг. страна стала одним из ведущих мировых экспортеров нефти, занимая сегодня 5-е место в мире по объему ее добычи (3824 тыс. баррелей в день) и 14-е место по объему подтвержденных возобновляемых запасов нефти (12,9 млрд баррелей). «Нефтяной фактор», наряду с другими процессами, сыграл определенную роль в дестабилизации мексиканского режима в 1980–1990-е гг., когда фактический раскол доминирующей партии (*PRI*) и усиление оппозиции повлекли за собой политическую демократизацию.

Хотя в целом влияние нефти на мексиканскую политику и экономику было и остается несоизмеримо меньшим, нежели в Венесуэле, можно провести определенные параллели. Нефтяные государства Латинской Америки не смогли сохранить свои прежние, казалось бы, устойчивые политические институты и режимы. При этом динамика изменений последних полутора-двух десятилетий оказалась разнонаправленной: в Венесуэле «демократия пактов»² уступила ме-

¹ Barnes A. Russia, Oil, and the Rest of the World: Practice and Theory. Paper presented at the PONARS Academic Conference. Washington, DC, December 2006. P. 23-24.

² Karl T.L. Petroleum and Political Pacts: The Transition to Democracy in Venezuela // Transitions from Authoritarian Rule: Latin America / G. O'Donnell, P. Schmitter, L. White-

сто популистской «диктатуре нового типа»,³ а в Мексике на смену стабильному авторитаризму (некоторые критики даже называли его «идеальной диктатурой»)⁴ пришла неустойчивая демократия.⁵ Перспективы нынешних политических режимов обеих стран пока далеко не очевидны, хотя можно ожидать, что как в том, так и в другом случае нефть может сыграть не последнюю роль в их дальнейшем развитии.

Настоящая глава построена следующим образом. В ее начале представлен детальный экскурс в политическую и экономическую историю Венесуэлы и Мексики. Затем обсуждаются и тестируются на примерах обеих стран некоторые тезисы о влиянии «ресурсного проклятия» на политико-экономическое развитие государств, а в заключительной части представлены сравнительные выводы и уроки для России опыта Мексики и Венесуэлы.

Венесуэла: нефть, только нефть и ничего, кроме нефти

Как справедливо заметила Терри Линн Карл, «нефтяные государства» возникают на той основе, которую они унаследовали от своего предшествующего развития.⁶ Основания как благополучия Норвегии, так и провала Нигерии были заложены задолго до нефтяного бума. Венесуэла не стала исключением из этого правила. После распада испанской колониальной империи независимое государство длительное время оставалось страной «на бумаге»: борьбу за власть в столице вели боровшиеся между собой региональные кланы. В 1858–1869 гг. Венесуэла погрузилась в серию кровавых гражданских войн, и даже формальное провозглашение федеративного государства не способствовало стабильности. Страна, вплоть до начала XX в. остававшаяся сугубо аграрной, оказалась поделена на региональные анклав, контролировавшиеся местными боссами — каудильо. Ситуация в Венесуэле в этом плане была близка к феодализму, который Европа пережила на четыре века раньше, и раз-

head (eds.). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 196-219.

³ Кораллес Х. Диктатор нового типа // Pro et Contra, 2006. Т. 10, № 1. С. 74-83.

⁴ См.: Cothran D. Political Stability and Democracy in Mexico: The «Perfect Dictatorship»? Westport, CT: Praeger, 1994.

⁵ См., например: Political Science and Politics, 2007. Vol. 40, № 1. P. 11-48.

⁶ Karl T.L. The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 74.

решилась в целом сходным силовым путем.⁷ Борьба региональных кланов (*grupos*) за доминирование на политической сцене Венесуэлы достигла кульминации, когда в 1899 г. генерал Сиприано Кастро из Андского региона во главе отряда из шестидесяти боевиков захватил столицу Каракас, провозгласив себя главой государства. Ценой нового раунда кровопролития ему удалось консолидировать власть в центре и подавить проявления сепаратизма других кланов. Но отказ Кастро выплачивать внешний долг Венесуэлы в 1902 г. стоил ему власти: в ответ на этот шаг США организовали международную блокаду Венесуэлы, а позднее активно способствовали заговору по свержению Кастро. В 1908 г. президентом Венесуэлы стал недавний сторонник бывшего главы государства — Хуан Висенте Гомес, правивший страной последующие 27 лет. Новый лидер оказался в положении между молотом и наковальней: с одной стороны, он стремился к установлению централизованного контроля над всей территорией страны, ее активами и финансовыми потоками, в том числе и путем создания профессиональной армии. С другой стороны, он вынужден был платить по внешним долгам и бороться с оппозицией с помощью жестких репрессий. Интенсивная разработка нефтяных месторождений помогла ему успешно решать обе задачи. В свою очередь, приход на рынок Венесуэлы крупных нефтяных компаний (главным образом, американских) в начале 1920-х гг. стал реакцией на политические кризисы, охватившие после Первой мировой войны ряд других нефтедобывающих стран (включая и Россию), и прежде всего — на мексиканскую революцию, вызывавшую спад производства и сокращение поставок нефти в США.

Под влиянием американских нефтяных компаний в 1922 г. Венесуэла приняла первый закон о нефти, устанавливавший для них льготный режим налогообложения, освобождение от экспортных пошлин и ограничений по площади территорий для нефтедобычи, а также свободу от вмешательства со стороны парламента в нефтяной бизнес. В свою очередь, глава государства, опираясь на поддержку иностранного капитала, единолично распоряжался нефтедолларами, полученными в том числе от продажи концессий, тем самым заметно укрепив свою власть и резко усилив централизацию управления страной. «Нефтяной поворот» повлек за собой симптомы «голландской болезни»: прежде сельскохозяйственная ориентация экономики Венесуэлы сменилась безусловным доминированием нефтяного сектора на фоне упадка аграриев (в 1928–1944 гг. объем сельскохозяй-

⁷ См.: Tilly C. War-making and State-making as Organized Crime // Bringing the State Back In / P.Evans, D.Rueschmeyer, T.Skocpol (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 169-191.

ственного экспорта и его доля в ВВП Венесуэлы упали в 3 раза). Если в 1920 г. доля нефти и нефтепродуктов в экспорте Венесуэлы составляла лишь 1,5%, то к 1925 г. она выросла до 41,6%, а к 1935 г. — 91,2%. Уже к 1928 г. Венесуэла стала крупнейшим экспортером нефти в мире, по объему добычи уступая лишь США.⁸

Последующие события изменили расстановку сил в политике и экономике Венесуэлы. В отличие от других стран Латинской Америки, благодаря доходам от нефтяного экспорта численность городского среднего класса росла быстрее, чем численность рабочего класса. Социальные интересы соискателей ресурсной ренты воплотились на политической арене в форме «распределительных коалиций»:⁹ созданные после смерти Гомеса левые политические партии наряду с профсоюзами начали борьбу за повышение государственных социальных гарантий и за изменение нефтяного законодательства. Вызванный Второй мировой войной экономический кризис усугубил бюджетный дефицит Венесуэлы и вынудил правительство к интервенционистскому курсу. В 1943 г. консолидация «нефтяного государства» в Венесуэле увенчалась принятием Акта об углеводородах, серьезно расширившего масштабы государственного контроля. Помимо доходов от продажи концессий и экспортных пошлин, закон впервые обложил налогами доходы транснациональных нефтяных компаний по принципу 50 на 50. Общая сумма их доходов от добычи и продажи нефти не могла превышать сумму налогов, уплачиваемых в бюджет Венесуэлы, доходы которого лишь за первые два года действия нового закона выросли более чем вдвое.¹⁰ Нефтяные компании изначально пытались препятствовать принятию этого решения, но затем достигли компромисса с правительством. Все прошлые концессии были продлены на прежних условиях пользования недр сроком на 40 лет (до 1983 гг.); в течение двух последующих лет нефтяные компании получили в аренду больше участков для добычи нефти, нежели за предшествующие 35 лет. В результате государство получило налоговый инструмент в качестве орудия давления на нефтяные компании в обмен на их присутствие в стране. Вместе с тем, государство, снизив налоги на граждан страны, все более превращалось в гигантский аппарат по распределению благ; Т.Л. Карл характеризовала его как «большую дойную корову, приносящую

⁸ Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 74-80.

⁹ См. Olson M. *The Rise and Decline of Nations*. New Haven, CT: Yale University Press, 1982.

¹⁰ Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 86-87.

выгоды тем, кто мог ее доить».¹¹ Таким образом, в Венесуэле сложился устойчивый альянс «соискателей ренты», состоявший из чиновников, партий и профсоюзов, не имевший никаких стимулов для изменения рентоориентированного поведения.

В 1945 г. Венесуэла впервые за десятилетия пережила военный путч: группа молодых офицеров свергла президента страны, генерала Медина Ангариту, и установила в стране власть гражданского правительства. Новая партия «Демократическое действие» (*Acción Democrática*, или *AD*), представлявшая интересы городского среднего класса, развивавшегося благодаря нефтяным доходам, придя к власти, резко увеличила объем государственного сектора экономики (число государственных предприятий возросло почти вдвое). В свою очередь, *AD* стимулировала увеличение численности профсоюзов, посредством которых прямо или косвенно распределялись различные блага (от рабочих мест до кредитов), что превращало их в клиентелу правящей партии.

Однако наступление на нефтяные компании с целью увеличить объем извлекаемой государством ресурсной ренты, предпринятое по инициативе *AD*, дорого обошлось правительству. В 1948 г. международные нефтяные компании, поддержанные представителями венесуэльского бизнеса, сыграли немалую роль в организации нового военного переворота, после которого к власти в стране пришел генерал Перес Хименес. В 1952 г. он провозгласил себя президентом страны и отменил ранее назначенные президентские выборы. Казалось бы, правительство Венесуэлы могло использовать повышение спроса на нефть на мировых рынках в 1950-е гг. для успешного развития страны. В 1950–1957 гг. добыча нефти выросла на 85% (с 1498 до 2779 тыс. баррелей в день), ее экспорт ежегодно рос на 7,4%, а рост доходов привел к тому, что в этот период Венесуэла накапливала больше валютных резервов, чем любая другая страна мира, кроме Западной Германии.

Но вместо этого Хименес, по сути, продолжал прежнюю политику наращивания государственных расходов, тратя все новые средства на гигантские стройки и усугубляя долговой кризис страны. Он вынужден был пойти на сокращение социальных программ и отменить субсидии ряду промышленных предприятий; в то же время, стремясь покрыть расходы, Хименес инициировал продажу нефтяным компаниям новых концессий, невзирая на то, что такой шаг прямо противоречил Акту об углеводородах 1943 г. В 1957 г. Хименес анонсировал продление своих президентских полномочий на неопределен-

¹¹ Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 91.

ный срок, что стало катализатором протеста. Помимо запрещенных основных партий — коммунистов, *AD*, Союза за демократическую республику (*URD*) и христианских демократов (*COPEI*), к оппозиции также примкнули представители католической церкви, профсоюзы, влиятельные экономические элиты, недовольные положением в стране, и, наконец, часть военных.

В январе 1958 г. разногласия среди руководства армии спровоцировали правительственный кризис; но отставки и реорганизации кабинета лишь упрочили своего рода «негативный консенсус» венесуэльской элиты. В Каракасе и по всей стране начались массовые акции протеста, завершившиеся 23 января бегством Хименеса в США. Попытки части армейской верхушки восстановить военный режим натолкнулись на сопротивление оппозиции, настаивавшей на проведении выборов и передаче власти в руки гражданского правительства. Лишь после того, как часть Национальной гвардии перешла на сторону оппозиции, а столкновения восставших с полицией привели к кровопролитию, грозившему началом гражданской войны, военные вынуждены были пойти на переговоры, завершившиеся восстановлением порядка в обмен на проведение в стране демократических выборов.¹²

Обстоятельства крушения военного режима существенно повлияли на выработку новых «правил игры». Еще до свержения Хименеса лидеры *AD*, *URD* и *COPEI* заключили между собой неформальное соглашение, предполагавшее разделение власти между этими партиями и недопущение к власти коммунистов в составе будущего правительства. После падения военного режима переговоры были продолжены при посредничестве представителей США, отстаивавших интересы нефтяных компаний и опасавшихся в случае прихода к власти *AD* проведения ими прежнего курса. Вместе с тем, давление военных, пытавшихся любой ценой не допустить *AD* в состав нового правительства, возымело обратный эффект: все участники смены режима выступили единым фронтом против угрозы нового путча. В конечном итоге, потребность в институциональных гарантиях для всех значимых акторов политической сцены Венесуэлы обусловила компромисс.¹³ Накануне президентских и парламентских выборов

¹² Karl T.L. *Petroleum and Political Pacts: The Transition to Democracy in Venezuela // Transitions from Authoritarian Rule: Latin America / G.O'Donnell, P.Schmitter, L.Whitehead* (eds.). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 206-210; Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 97-98.

¹³ Karl T.L. *Petroleum and Political Pacts: The Transition to Democracy in Venezuela // Transitions from Authoritarian Rule: Latin America / G.O'Donnell, P.Schmitter, L.Whitehead* (eds.). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 211-213.

1958 г. все основные политические партии и кандидаты подписали пакт Пунто Фихо, определивший главные черты политического устройства и положенный в основу новой конституции Венесуэлы, принятой в 1961 г. В том же 1958 г. был подписан и «Пакт о перемирии», устанавливавший принципы отношений между предпринимателями и профсоюзами, в соответствии с которыми обе стороны принимали на себя обязательства разрешать конфликты только с помощью переговоров.¹⁴ Избрание лидера *AD* Ромуальдо Бетанкура президентом страны на выборах 1958 г. увенчало процесс смены политического режима Венесуэлы.

Основные положения пакта Пунто Фихо сводились к следующему. Во-первых, армия и церковь получили гарантии сохранения своего статуса и политической автономии в обмен на невмешательство в политическую борьбу.

Во-вторых, независимо от результатов выборов, основные парламентские партии обязались признавать их итоги, а в обмен получали гарантированный доступ к разделу политического и экономического пирога посредством коалиционных соглашений¹⁵ и пропорционального доступа к государственным постам и иным благам, обеспечивавшим политическое выживание всех участников пакта.

В-третьих, гарантом политической системы Венесуэлы становился президент страны, оказывавшийся верховным арбитром в государстве. Президент получал эксклюзивный контроль над налоговой и таможенной политикой, эксплуатацией природных ресурсов, вооруженными силами и международными делами, единолично назначал и увольнял министров, губернаторов и руководителей государственных предприятий. Иначе говоря, ключевые решения о разделе власти и ренты принимал президент, избиравшийся на пятилетний срок без права немедленного переизбрания, не входивший ни в одну из партий и выступавший посредником между ними.¹⁶ Запрет на переизбрание делал президента не слишком зависимым от поддержки со стороны избирателей и своих партий; но он же делал его подверженным влиянию заинтересованных групп соискателей ренты. В свою очередь, парламент Венесуэлы представлял собой одну из са-

¹⁴ Булавин В., Дабагян Э., Семенов В. Венесуэла в поисках альтернативы. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. С. 15.

¹⁵ В 1958-1968 гг. большинство в парламенте формировала коалиция двух крупнейших партий — левоцентристской *AD* и правоцентристской *COPEI*.

¹⁶ Crisp B. Presidential Behavior in a System with Strong Parties: Venezuela, 1958-1995 // *Presidentialism and Democracy in Latin America* // S. Mainwaring, M. Shugart (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 160-198.

мых слабых legislatures латиноамериканского континента,¹⁷ а пропорциональная избирательная система способствовала централизации партийного руководства и распределению важнейших парламентских постов между клиентами партийных лидеров.¹⁸ Косвенным последствием этого шага стало исключение из числа ключевых участников политического процесса не только малых партий, но и оппозиционных фракций внутри основных партий (в частности, в 1960-е гг. из *AD* было вычищено левое меньшинство).¹⁹ После парламентских выборов 1968 г. влияние *URD* резко упало, и трехпартийная система Венесуэлы трансформировалась в двухпартийную: в последующие два с лишним десятилетия *AD* и *COPEI* вместе контролировали подавляющее большинство мест в обеих палатах парламента.²⁰ В этом смысле последствия пакта Пунто Фихо оказались двойственными.²¹ С одной стороны, он гарантировал принятие «правил игры» основными игроками, взявшими на себя обязательства по сохранению статус-кво. С другой стороны, к нему в полной мере относились критические оценки Адама Пшеворского: «Пакты... могут стать своеобразными "картелями" существующих должностей — "картелями", которые ограничивают конкуренцию, преграждают соперникам путь к успеху и распределяют выгоды, связанные с политической властью, только среди своих».²²

В экономическом отношении пакт Пунто Фихо представлял собой институционализацию распределительных коалиций. Фактически в стране сложились отношения государственного корпоративизма между правительством и парламентом, «пилившими» доходы от нефтяного экспорта, профсоюзами, вошедшими в единую конфедерацию

¹⁷ См.: Coppedge M. *Strong Parties and Lame Ducks: Presidential Partyarchy and Factionalism in Venezuela*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994.

¹⁸ Karl T.L. *Petroleum and Political Pacts: The Transition to Democracy in Venezuela // Transitions from Authoritarian Rule: Latin America / G.O'Donnell, P.Schmitter, L.Whitehead (eds.)*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 213-214; Kornblith M., D.Levine, *Venezuela: The Life and Times of the Party System // Building Democratic Institutions: Party Systems in Latin America*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1995. P. 45-46.

¹⁹ См.: Coralles J. *Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002.

²⁰ Kornblith M., D.Levine, *Venezuela: The Life and Times of the Party System // Building Democratic Institutions: Party Systems in Latin America*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1995. P. 50-51.

²¹ Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 101.

²² Пшеворский А. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. М.: РОССПЭН, 1999. С. 134.

труда и имевшими монополию на представительство наемных работников, и предпринимательскими ассоциациями.²³ Такой механизм был характерен для многих стран Латинской Америки, но в Венесуэле «смазка» в виде ресурсной ренты обеспечивала его устойчивость, тем более что Венесуэла стала в 1959–1960 гг. одной из создательниц ОПЕК — картельного соглашения стран-экспортеров нефти. На фоне кризисов и диктатур на всем континенте в 1960–1970-е гг. Венесуэла, казалось бы, стала «витриной» демократической стабильности в Латинской Америке. Уровень жизни в Венесуэле заметно вырос, а уровень социального неравенства, напротив, снижался. К началу 1970-х гг. правительство контролировало 78% доходов от экспорта нефти (против 52% в 1957 г.), увеличив свои доходы почти в полтора раза. Но оборотной стороной подобного развития событий стало снижение добычи: Венесуэла добывала только 4,4% нефти в мире, занимая лишь пятое место среди стран-производителей по сравнению с 14,4% в 1950 г. (второе место). Нефтяные компании, в преддверии намеченного на 1983 г. завершения срока их концессий, не стремились инвестировать в производство, а разработок новых месторождений нефти в стране почти не велось.²⁴ Казалось, на горизонте маячила перспектива исчерпания ресурсной ренты, но тут... грянул нефтяной кризис 1973 г.

Невиданный доселе резкий взлет цен на нефть на мировых рынках осенью 1973 г. застал Венесуэлу в преддверии очередных парламентских и президентских выборов, уверенную победу на которых одержали *AD* и ее кандидат Карлос Андрес Перес. В период правления Переса (до конца 1978 г.) страна получила (в сопоставимых ценах) в полтора раза больше доходов, чем за все предшествующие 66 лет, вместе взятые. Резко возросли практически все ее мыслимые экономические показатели.²⁵ Но при этом Перес и его правительство оказались в непростой ситуации. Во-первых, они отдавали себе отчет в краткосрочном характере нефтяного бума; во-вторых, предполагали, что нефтяные запасы Венесуэлы скоро могут иссякнуть;²⁶ в-третьих, фиксированный пятилетний срок пребывания у власти сужал временной горизонт принятия решений и провоцировал правительство

²³ О корпоративизме см.: Schmitter P. Still the Century of Corporatism? // Review of Politics, 1974, vol. 36, № 1. P. 85-131.

²⁴ Karl T.L. The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 103-104, 112-113.

²⁵ Ibid. P. 117-120.

²⁶ Прогноз об исчерпании в Венесуэле запасов нефти на действовавших месторождениях в течение 20 лет и наименее затратных с точки зрения добычи месторождений в течение 7-10 лет позднее не подтвердился.

на реализацию амбициозных, но непродуманных планов. Перес провозгласил масштабную программу ускоренного развития страны (*la Gran Venezuela*), пообещав своим соотечественникам рост доходов, гарантии рабочих мест и социальной защиты за счет расширения масштабов государственного регулирования экономики и крупных инвестиций в энергоемкие отрасли индустрии (алюминиевая промышленность, нефтепереработка, черная металлургия), способные заместить импорт и быть конкурентоспособными на международных рынках. При этом Перес настоял на предоставлении ему дополнительных полномочий издавать указы по экономическим вопросам с целью более эффективной реализации экономических программ. Но на практике правительство Переса не смогло воплотить в жизнь свой курс. Первым делом Перес инициировал почти двукратное увеличение рабочих мест в государственном секторе и резко поднял зарплату его сотрудников, а столкнувшись с сопротивлением этим шагам со стороны представителей бизнеса, щедро принялся раздавать кредиты и снижать налоги. Лишь за один год дополнительных полномочий Переса расходы государства выросли втрое, что повлекло и бурный рост инфляции. Государственный интервенционизм достиг пика в 1975 г., когда парламент принял решение о национализации нефтяной отрасли. Созданная по инициативе Переса национальная нефтяная компания *PETROVEN* в 1976 г. по своей величине стала 16-й корпорацией в мире, занимая девятое место среди нефтяных компаний (позднее она была преобразована в холдинг *PDVSA*).²⁷

Препятствия на пути реализации плана Переса лежали не только в сугубо экономической, но и в политической плоскости. Государственный аппарат Венесуэлы, в значительной мере сформированный на основе клиентел влиятельных политиков, был подвержен влиянию соискателей ренты, в особенности в ситуации, когда президент и правительство страны, по сути, проводили популистский экономический курс. Не приходится удивляться и расцвету фаворитизма: близкая к Пересу группа влиятельных предпринимателей (известная как «12 апостолов») получала льготные кредиты и эксклюзивные контракты. Попытки правительства стерилизовать нефтяные сверхдоходы посредством специального Инвестиционного фонда в этих условиях потерпели неудачу. Как часто бывает, проблемы в развитии Венесуэлы обострились одновременно. По мере того, как цены на нефть стабилизировались, стало ясно, что гигантские инвестиционные проекты потребуют значительно больше средств, нежели изначально планировалось. Попросту говоря, огромные средства, вы-

²⁷ Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 132, 140, 152.

рученные от продажи нефти, оказались вложены в «долгострой», цена которого в разы превосходила возможности государства. Правительство Переса, начиная с 1975 г., вынуждено было наращивать объем внешнего долга. Обострение борьбы среди соискателей ренты вызвало глубокие разногласия не только между Пересом и оппозиционной *COPEI*, но и внутри правящей партии — *AD*, часть которой открыто выступала против Переса и обвиняла его в коррупции. Итогом этой борьбы стало поражение *AD* на парламентских выборах 1978 г. (партия утратила большинство в обеих палатах) и избрание президентом кандидата *COPEI* Луиса Эррера Кампинса:²⁸ по сути, этот исход голосования стал вотумом недоверия политическому курсу эпохи «нефтяного бума».²⁹

Правительство Кампинса, однако, наступило на те же грабли, что и предшественники. В 1979 г., после революции в Иране, грянул новый нефтяной бум: цены на нефть вскоре перевалили отметку в 30 долл. за баррель. Вновь резко увеличились государственные расходы (они удвоились за 1979–1981 гг.) — при том, что стране остро не хватало средств на реализацию крупномасштабных инвестиционных проектов. Венесуэльские политики могли бы поднять налоги на нефтяные компании, но после национализации отрасли такой шаг вряд ли мог принести большие выгоды; напротив, теперь уже *PETROVEN* столкнулся с острой необходимостью привлечения инвестиций для освоения новых и восстановления исчерпанных месторождений нефти, включая разведку на морском шельфе. Поэтому внешний долг при Кампинсе стал расти еще более быстрыми темпами, чем при Пересе: он вырос с 8,6 млрд долл. в 1978 г. до 23,7 млрд долл. (по другим данным — до 29 и даже 34 млрд долл.) в 1983 г. Этот показатель, правда, не учитывал долги государственных предприятий, объем которых, по оценкам правительства, составлял как минимум 10 млрд долл.³⁰ В 1982–1983 гг., как раз накануне очередных выборов, мировые цены на нефть начали снижаться, что усугубило проблемы Венесуэлы: пытаясь предотвратить экономический спад, правительство пустило на текущие расходы все средства Инвестиционного фонда и инвестиционные резервы *PETROVEN*, тем самым

²⁸ Kornblith M., D. Levine, Venezuela: The Life and Times of the Party System // Building Democratic Institutions: Party Systems in Latin America. Stanford, CA: Stanford University Press, 1995. P. 49; Crisp B. Presidential Behavior in a System with Strong Parties: Venezuela, 1958-1995 // Presidentialism and Democracy in Latin America // S. Mainwaring, M. Shugart (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 166-167.

²⁹ Karl T.L. The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 156-157.

³⁰ Ibid. P. 164, 172-173.

принеся долгосрочные программы развития в жертву сиюминутной нужде. Результатом стал массовый отток капитала из страны. Но, даже «зарезав курицу, несущую золотые яйца»,³¹ *COPEI* не смогла удержаться у власти. На фоне протестов со стороны оппозиции, избиратели вновь отдали свои голоса *AD*, получившей большинство мест в парламенте, и ее кандидату Хайме Лусинчи.³²

Столкнувшись с падением цен на нефть и ростом долгов, Лусинчи попытался ввести режим жесткой экономии и сократить государственные расходы. С этой целью он обратился к парламенту с требованием о предоставлении ему дополнительных полномочий (как прежде поступал и Перес). Но его правительство добилося лишь ограниченных успехов: хотя объем внешнего долга, в 1986 г. превышавший половину валового национального продукта, к 1988 г. снизился до 41,1%, расходы правительства вновь начали расти в преддверии новых выборов 1988 г., а президент и его окружение открыто обвинялись в коррупции (уже после своей отставки Лусинчи был подвергнут уголовному преследованию). Лусинчи вел, по словам Терри Линн Карл, «политику откладывания»³³ важнейших преобразований; он обещал выполнить условия получения кредитов Международного валютного фонда (МВФ) по проведению либеральных реформ в экономике, но при этом воздерживался от подписания формальных соглашений, ограничиваясь лишь планами и полумерами. Хотя перед выборами 1988 г. Венесуэла и пережила краткосрочный экономический подъем, но вынуждена была объявить о невозможности выплат по внешнему долгу. В такой ситуации избиратели проголосовали за кандидата, имя которого прочно ассоциировалось с «золотым веком» нефтяного бума 1970-х: президентом страны вновь был избран Перес.

Второе правление Переса началось в 1989 г. в условиях глубокого экономического спада: доля населения Венесуэлы, находившегося за чертой бедности, многократно превышала показатели периода его первого пребывания у власти; реальные доходы едва превышали уровень до начала нефтяного бума, валютные резервы страны были наполовину опустошены, бюджетный дефицит вырос втрое за

³¹ Ibid. P. 176.

³² Kornblith M., D. Levine, Venezuela: The Life and Times of the Party System // Building Democratic Institutions: Party Systems in Latin America. Stanford, CA: Stanford University Press, 1995. P. 49-51; Crisp B. Presidential Behavior in a System with Strong Parties: Venezuela, 1958-1995 // Presidentialism and Democracy in Latin America // S. Mainwaring, M. Shugart (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 166-167.

³³ Karl T.L. The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 174.

последние три года правления Лусинчи, контроль над ценами, призванный обуздать рост инфляции, привел к дефициту товаров первой необходимости.³⁴ Иными словами, у Переса просто не было иного выбора, как немедленно приступить к проведению экономических реформ, план которых был подготовлен комиссией экспертов (*COPRE*), специально созданной еще при Лусинчи. Дело было не только в том, что воплощать их в жизнь предстояло Пересу, ранее выступавшему в качестве популистского лидера, при котором вся Венесуэла превратилась в гигантскую распределительную коалицию. Не так уж редки случаи, когда кризисы вынуждали далеко не самых либеральных политиков успешно проводить либеральные экономические реформы (достаточно вспомнить российское правительство Евгения Примакова в 1998–1999 гг.). Поэтому не стоит удивляться, что бывший идеолог необузданного роста расходов превратился в сторонника экономии бюджетных средств, прежний ярый сторонник государственного вмешательства стал энтузиастом приватизации, а вчерашний герой национализации пытался привлечь в страну иностранный капитал. Но политический контекст реформ был крайне неблагоприятным. Перес столкнулся с жестким сопротивлением со стороны практически всех социальных и политических сил страны. Общество ожидало от него возврата к дармовому изобилию 1970-х, профсоюзы выступали против переговоров с МВФ; наконец, в рядах его собственной партии, прежде централизованно управляемой единым партийным руководством и лояльной лидеру, наметился раскол. Хотя *AD* и получила большинство голосов на парламентских выборах 1988 г.,³⁵ но часть левых политиков внутри партии не поддерживала программу реформ по идеологическим причинам, а часть не доверяла главе государства, который к тому же при формировании кабинета недостаточно вознаграждал постами своих однопартийцев, предпочтя им экспертов-технократов из *COPRE*.³⁶ В отличие от своего первого срока, Перес теперь не мог и мечтать о том, чтобы парламент предоставил ему дополнительные полномочия. Помимо этого, Перес начал воплощать в жизнь реформу политической системы Венесуэлы (также

³⁴ Следует отметить, что широкомасштабное регулирование розничных цен началось еще в период первого президентского срока Переса.

³⁵ Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 30, Kornblith M., D. Levine, Venezuela: The Life and Times of the Party System // Building Democratic Institutions: Party Systems in Latin America. Stanford, CA: Stanford University Press, 1995. P. 50-51.

³⁶ Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 121-122.

подготовленную экспертами *COPRE*). Страна, прежде представлявшая собой одну из самых централизованных федераций в мире (тем более в сравнении с другими латиноамериканскими федерациями)³⁷ в 1989 г. перешла к всеобщим выборам губернаторов регионов и мэров городов и к увеличению бюджетной самостоятельности регионов.³⁸ Этот шаг, изначально призванный ослабить власть партийных элит и укрепить легитимность всей политической системы страны, на практике привел к ослаблению власти самого Переса и к усилению оппозиции.³⁹

Буквально сразу же после своего прихода к власти Перес достиг договоренностей с МВФ и приступил к проведению в жизнь плана реформ, основанного на принципах Вашингтонского консенсуса (либерализация цен, финансовая стабилизация, приватизация). Однако в первые же недели по стране прокатилась волна протестов, достигших пика 27–28 февраля 1989 г., когда после отпуска цен на бензин, вызвавшего удвоение стоимости проезда в общественном транспорте (правительство обещало 30-процентный рост), в Каракасе вспыхнули массовые беспорядки. Они сопровождались погромами магазинов и складов и были жестко подавлены силами армии и полиции (количество жертв, по различным оценкам, составило от 350 до 1000 погибших).⁴⁰ Тем не менее, Перес не только не отступил от первоначальных планов, но продолжал и далее сокращать государственные расходы. Болезненные реформы, которые на начальном этапе принесли Венесуэле рост безработицы и снижение реальных доходов населения, как будто начали приносить успехи: в 1990 г. экономический рост составил 7,4%, а в 1991 г. он достиг 10,4%⁴¹ (по другим данным — 9,7%),⁴² что было одним из наивысших показателей во всем мире. Добившись реструктуризации внешнего долга

³⁷ См.: Gibson E.L. (ed.). *Federalism and Democracy in Latin America*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 2004.

³⁸ Penfold-Becerra M. *Federalism and Institutional Changes in Venezuela // Federalism and Democracy in Latin America*. P. 197-225.

³⁹ Со сходными проблемами столкнулся и Борис Ельцин в России после перехода к всеобщим губернаторским выборам во всех регионах после 1996 г.

⁴⁰ Coralles J. *Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 51; Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 180.

⁴¹ Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 181.

⁴² Coralles J. *Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s*. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 5.

(объем которого несколько снизился), правительство приступило ко второму этапу преобразований, включавшему налоговую реформу и приватизацию, предполагавшую доступ иностранных компаний в нефтяную отрасль Венесуэлы. Однако политическая цена реформ оказалась для Переса слишком высокой.

Перес и его политика подвергались нападкам со всех сторон. И оппозиция во главе с *COPEI*, и часть *AD* не только блокировали в парламенте важнейшие законодательные инициативы правительства, но и продвигали проекты, которые шли вразрез с его курсом.⁴³ Резко упала популярность не только президента, но и его партии. В свою очередь, подконтрольные *AD* профсоюзы, начиная с мая 1989 г., организовывали регулярные забастовки и уличные акции протеста, а в 1991 г. *AD* открыто потребовала от президента приостановки реформ и даже голосовала в парламенте против проекта бюджета. Правительство также утратило поддержку представителей бизнеса, недовольных ростом налогов и небольшими выгодами в ходе приватизации государственных предприятий (нечто подобное переживало в начале 1990-х гг. и российское правительство, столкнувшись с оппозицией в лице директорского корпуса). Общественное мнение было настроено против президента и его партии. Но самым серьезным ударом по программе реформ стала первая за десятилетия попытка военного переворота. 4 февраля 1992 г. группа армейских офицеров во главе с подполковником Уго Чавесом вывела танки на улицы Каракаса и Маракайбо (второй по величине город страны) и попыталась свергнуть правительство. Эта группа, провозгласившая себя Революционным боливарианским движением (*MBR-200*; в честь 200-летия Симона Боливара, отмечавшегося в 1983 г.), сформировалась из числа военных, недовольных положением дел в Венесуэле. Нарастание критики реформ и протестные общественные настроения подтолкнули их к более решительным шагам. Мятежники, наряду с типичными для военных переворотов призывами к наведению порядка и борьбе с коррупцией, требовали положить конец неolibеральным экономическим реформам и резко увеличить социальные выплаты, а также пересмотреть конституцию страны, расширив доступ широких масс к управлению страной.⁴⁴ Попытка путча потерпела неудачу из-за слабой координации действий мятежников: опираясь на поддержку высшего армейского руководства и верных ему частей, правитель-

⁴³ В частности, по инициативе *COPEI* (которую поддержала *AD*) в 1990 г. был принят закон, серьезно ограничивавший возможности сокращения рабочей силы на предприятиях.

⁴⁴ Булавин В., Дабагян Э., Семенов В. Венесуэла в поисках альтернативы. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. С. 17-19.

ство в тот же день подавило мятеж, а Чавес и другие путчисты были арестованы. Провал путча послужил своего рода «раскруткой» и самих мятежников, и их идей, к тому же усилив политизацию армии, которая долгие годы после событий 1958 г. стояла в стороне от вмешательства в политику.⁴⁵ Уже на следующий день после подавления мятежа многолетний лидер *COPEI* Рафаэль Кальдера (президент Венесуэлы в 1968–1973 гг.) фактически солидаризировался с лозунгами и целями заговорщиков, выразив неприятие лишь их методов борьбы. Требования путчистов пользовались поддержкой и в общественном мнении,⁴⁶ хотя военное правление не вызывало энтузиазма среди венесуэльцев.⁴⁷ Оказавшись в политической изоляции, Перес попытался заручиться поддержкой как *COPEI* (представители этой оппозиционной партии получили правительственные посты), так и своей собственной партии (лидеры *AD* настояли на замене технократов в составе кабинета на ставленников партийного руководства).⁴⁸ Фактически этот шаг повлек за собой свертывание программы экономических реформ и дальнейшее усугубление кризиса.⁴⁹

На повестку дня встали уже не столько экономические, сколько политические проблемы Венесуэлы. В преддверии назначенных на декабрь 1992 г. региональных и местных выборов, 27 ноября 1992 г., в столице произошла новая попытка военного переворота, теперь уже организованная представителями армейской верхушки. Примечательно, что мятежники, захватившие телецентр, прокрутили запись с обращением Чавеса.⁵⁰ Подавление путча привело к значительным жертвам (по разным оценкам, от 170 до 500 человек),⁵¹ но не помогло *AD*. Партия потерпела на выборах жестокое поражение, в то время

⁴⁵ Norden D.L. Democracy and Military Control in Venezuela: From Subordination to Insurrection // Latin American Research Review, 1998, vol. 32, № 2. P. 154-155.

⁴⁶ Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 63-64.

⁴⁷ Булавин В., Дабагян Э., Семенов В. Венесуэла в поисках альтернативы. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. С. 22.

⁴⁸ Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 157.

⁴⁹ Karl T.L. The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 182-183; Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 159-161.

⁵⁰ Булавин В., Дабагян Э., Семенов В. Венесуэла в поисках альтернативы. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. С. 21.

⁵¹ Karl T.L. The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 183.

как силу набрали левые организации — Движение к социализму (*MAS*) и новая коалиция «Радикальное дело» (*Causa-R*).⁵²

В начале 1993 г. *AD* и *COPEI*, переживавшие раскол в своих рядах, начали кампанию с требованием отставки Переса, обвиняя его в коррупции (для чего было немало оснований). В конечном итоге, 19 мая 1993 г. президент вынужден был объявить о досрочном сложении полномочий; на следующий день ему было официально предъявлено обвинение в растрате государственных средств на сумму в 17 млн долл.⁵³ Состоявшиеся в декабре 1993 г. новые президентские и парламентские выборы явно продемонстрировали кризис уже не отдельных партий, но всей партийной системы страны: впервые *AD* и *COPEI*, вместе взятые, получили менее половины голосов, в то время как треть голосов досталась *Causa-R* и *MAS*. Более того, одержавший победу на президентских выборах ветеран венесуэльской политики, 78-летний Кальдера, яростно критиковавший реформы Переса, перед выборами покинул ряды *COPEI* и выдвигался от альянса 17 малых партий и организаций «Национальная конвергенция» при поддержке *MAS*. Впрочем, успех Кальдера оказался не слишком впечатляющим: он получил всего лишь 30,5% голосов избирателей.⁵⁴

Как водится в таких случаях, Кальдера обещал полную ревизию политического курса своего предшественника, сворачивание либеральных реформ и раздачу государственных благ всем и каждому. Но популистская риторика так и осталась словами. В 1994 г. на фоне спада производства в Венесуэле (как и в ряде других стран Латинской Америки) разразился сопровождавшийся массовым оттоком капитала жесточайший банковский кризис, потери от которого,

⁵² Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 64-65.

⁵³ Karl T.L. The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 184; Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 162; Crisp B. Presidential Behavior in a System with Strong Parties: Venezuela, 1958-1995 // Presidentialism and Democracy in Latin America // S.Mainwaring, M.Shugart (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 166-167.

⁵⁴ Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 223; Crisp B. Presidential Behavior in a System with Strong Parties: Venezuela, 1958-1995 // Presidentialism and Democracy in Latin America // S.Mainwaring, M.Shugart (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 167; Булавин В., Дабагян Э., Семенов В. Венесуэла в поисках альтернативы. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. С. 24-25.

по некоторым оценкам, составили до 20% ВВП.⁵⁵ Его болезненное преодоление вынудило Кальдеру в конце 1995 г. все же решиться на непопулярные экономические преобразования и начать программу структурных реформ, во многом совпадавших с теми, что пытался провести Перес. Но при этом Кальдера не обладал существенной поддержкой в элитах и в обществе. Он вынужден был обратиться за поддержкой к вчерашним противникам, *AD*, вознаградив ее представителей министерскими постами, но эта хрупкая коалиция была неустойчивой, а принятые решения — половинчатыми и полными неудачных компромиссов. Один из наблюдателей сравнивал коалиционные маневры Кальдеры с перестановкой кресел на палубе идущего ко дну «Титаника».⁵⁶ Некоторые шаги Кальдеры в сфере приватизации и либерализации банковского и нефтяного секторов не решали проблем страны. Несмотря на наметившийся экономический рост (в 1997 г. он превысил 6%), инфляция оставалась высокой (хотя и при Пересе она не опускалась ниже уровня 30%), а важнейшие структурные преобразования (создание стабилизационного фонда, налоговая реформа, либерализация рынка труда) постоянно откладывались. В конце 1997 г. еще одно резкое снижение цен на нефть (достигшее 11-летнего минимума) нанесло последний удар по правительству Кальдеры: Венесуэла в очередной раз погрузилась в глубочайший налоговый и валютный кризис.⁵⁷

Но, пожалуй, свою главную ошибку Кальдера совершил сразу после прихода к власти, когда он амнистировал участников путчей 1992 г. Если бы уголовное дело в отношении Чавеса и его соратников не было прекращено, они, согласно законам Венесуэлы, не имели бы права принимать участия в выборах.⁵⁸ Политическая нестабильность и кризис партийной системы Венесуэлы открыли для Чавеса новые возможности: он активно включился в борьбу за голоса избирателей, выступая с жесткой критикой всего существующего строя, сочетая в своей риторике антикапиталистические и антиамериканские призывы. Созданное Чавесом движение «Пятая республика», костяк которого составили бывшие и действующие военные, раз-

⁵⁵ Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 165.

⁵⁶ Romero A. Rearranging the Deck Chairs on the Titanic: The Agony of Democracy in Venezuela // Latin American Research Review, 1997. Vol. 32, № 1. P. 7.

⁵⁷ Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 223-224.

⁵⁸ Булавин В., Дабагян Э., Семенов В. Венесуэла в поисках альтернативы. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. С. 28.

вернуло широкую сеть и привлекло на свою сторону другие левые партии и организации, включая *MAS*. Бедные слои населения, лишившиеся патронажной поддержки со стороны прежних партий, составили клиентелу новой политической силы, не скупившейся на посулы. На состоявшихся в ноябре 1998 г. парламентских выборах коалиция Чавеса завоевала треть мандатов, заручившись поддержкой в первую очередь в крупных городах страны. Хотя на президентских выборах в декабре 1998 г. прежний истеблишмент смог объединиться и выдвинуть общего кандидата — губернатора штата Карабобо Саласа Ромера (его поддержали и *AD*, и *COPEI*), победу Чавеса было уже невозможно предотвратить. Получив 56% голосов, Чавес возглавил Венесуэлу.⁵⁹

Придя к власти на волне массового недовольства сложившейся в стране ситуацией, Чавес начал решительную перекройку всего политического устройства Венесуэлы. Его основным орудием стал плебисцит: харизматический президент опирался на поддержку избирателей напрямую, игнорируя сложившиеся политические институты и элиты страны и ведя с ними жесткую конфронтацию. При этом, по замечанию Хавьера Кораллеса, Чавес весьма искусно использовал стратегию политической поляризации:⁶⁰ в ситуации, когда венесуэльцы были вынуждены выбирать между Чавесом и его противниками, перевес неизменно оказывался на стороне президента. В феврале 1999 г. он назначил референдум по вопросу о созыве конституционной ассамблеи с целью принятия нового основного закона страны. При этом Чавес рассматривал новый орган не как совещание для выработки проекта конституции, а как своего рода учредительное собрание, призванное подменить собой парламент (где Чавес не обладал поддержкой большинства). Эти поползновения президента были пресечены Верховным судом, не позволившим Чавесу провести на референдуме решение о наделении конституционной ассамблеи полномочиями принятия решений. В ответ Чавес развязал кампанию обвинений в коррупции судебной власти и всего политического истеблишмента Венесуэлы. Сокрушительная победа Чавеса на выборах конституционной ассамблеи (его коалиция получила свыше 90% мест) придала ему уверенности: в конце августа 1999 г. ассамблея провозгласила себя высшим органом власти в стране, вытеснив парламент и судебную власть на политическую обочину. В декабре

⁵⁹ Булавин В., Дабагян Э., Семенов В. Венесуэла в поисках альтернативы. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. С. 30-32.

⁶⁰ Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 77-78.

1999 г. проект новой конституции получил на референдуме поддержку 70% избирателей Венесуэлы.⁶¹ Эта конституция заметно усиливала власть президента: срок его полномочий продлевался до шести лет, запрет на переизбрание отменялся (хотя и вводился запрет на пребывание у власти более двух сроков подряд);⁶² глава государства также получал контроль над Верховным судом и национальным избирательным советом страны.⁶³ Конституция предоставляла президенту широкие права по роспуску законодательной власти, упраздняла верхнюю палату парламента, изменяла избирательную систему⁶⁴ и ликвидировала механизм парламентского контроля над армией (она находилась под полным контролем президента). Референдумы провозглашались ключевым механизмом принятия решений, имевшим высшую силу. В экономическом плане важнейшей конституционной инновацией стал приоритет государственного контроля над ключевыми секторами экономики Венесуэлы и прямой запрет на приватизацию нефтяной отрасли страны.⁶⁵

Чавес особенно и не скрывал, что целью принятия новой конституции было упрочение его личной власти. На март 2000 г. намечались «мегавыборы» всех органов власти, но под давлением Чавеса сперва они были перенесены на май, а затем независимый национальный избирательный совет был распущен судом, выборы перенесены на июль и проходили под контролем лояльных Чавесу сил. К этому моменту начался распад коалиции, под знаменами которой Чавес пришел к власти; против его популистских призывов и стремления к власти выступила часть ближайших соратников во главе с ветераном путча 1992 г. Ариасом Карденасом.⁶⁶ Но бороться с Чавесом, которого поддерживали ставшие его клиентелой бедные городские слои, было никому не под силу: президент получил поддержку 59% избирателей против 36% у Карденаса. Наметившийся рост цен

⁶¹ Булавин В., Дабагян Э., Семенов В. Венесуэла в поисках альтернативы. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. С. 46-51.

⁶² При этом срок президентских полномочий до момента вступления в силу конституции не учтен, так что юридически первый срок президентства Чавеса отсчитывается с 2000 г.

⁶³ Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 75.

⁶⁴ Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 80.

⁶⁵ Булавин В., Дабагян Э., Семенов В. Венесуэла в поисках альтернативы. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. С. 52-63.

⁶⁶ Однофамилец (не родственник) мексиканского президента (см. ниже).

на нефть и резкое увеличение социальных расходов накануне выборов сыграли немалую роль в успехе президента. В то же время, хотя сторонникам Чавеса и удалось завоевать большинство на парламентских выборах, немалой поддержкой заручилась и оппозиция во главе с *AD*.⁶⁷

Однако под руководством Чавеса ситуация в стране не улучшалась. Демонстрации и «марши пустых кастрюль» сотрясали Венесуэлу,⁶⁸ а попытки Чавеса выкачать из подконтрольной ему нефтяной монополии *PDVSA* еще больше денег на социальные программы давали обратный эффект.

В апреле 2002 г. в ответ на проведенную Чавесом смену руководителей компании своими ставленниками вспыхнула забастовка нефтяников: переработка и экспорт нефти были прекращены, а профсоюзы (поддержанные представителями крупного бизнеса) в знак солидарности объявили всеобщую забастовку, парализовавшую всю страну. Акции протеста с требованиями отставки Чавеса были жестоко подавлены полицией, после чего в конфликт вмешались военные. 11 апреля Чавес был отстранен от власти и взят под арест. Но хрупкая коалиция негативного консенсуса, объединенная лишь неприятием президента страны, не имела единого плана действий. Объявление об отмене конституции 1999 г., роспуске парламента, смене ряда ключевых чиновников и назначении новых выборов вызвало смятение в рядах мятежников. Профсоюзы и армейская верхушка не поддержали эти шаги, и путч фактически провалился. Уже спустя три дня Чавес триумфально вернулся к власти в Каракасе.⁶⁹ Одним из следствий этих событий стало создание в Венесуэле национальной гвардии — по сути, личной армии президента страны, подконтрольной исключительно Чавесу.

Тем не менее, попытка путча способствовала активизации оппозиции. В мае 2002 г. в стране была создана коалиция политических партий (как левых, так и правых), требовавших отставки Чавеса. Президент, со своей стороны, провоцируя напряженность в отношениях и с военными, и с бизнесом, и с профсоюзами, и с церковью, умело играл на противоречиях в их рядах и использовал тактику «кнута и пряника». Чавес то объявлял о раскрытии заговоров якобы

⁶⁷ Булавин В., Дабагян Э., Семенов В. Венесуэла в поисках альтернативы. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. С. 64-71.

⁶⁸ В 2001-2004 гг. отмечалось 19 крупных общенациональных акций протеста. См.: Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 76.

⁶⁹ Булавин В., Дабагян Э., Семенов В. Венесуэла в поисках альтернативы. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. С. 111-117.

с целью его физического устранения,⁷⁰ то проводил перманентные реорганизации правительства, усиливая кадровую чехарду. Как полагает Кораллес, тактика управляемого хаоса являлась эффективным орудием Чавеса в борьбе за максимизацию власти.⁷¹ Тем не менее, в феврале 2003 г. оппозиция смогла собрать свыше 3 млн подписей за проведение в стране референдума по вопросу о досрочной отставке Чавеса. Эти требования были выдвинуты в ситуации, когда Венесуэлу на протяжении нескольких месяцев сотрясала общенациональная забастовка нефтяников. Подконтрольный президенту национальный избирательный совет отклонил инициативу референдума под формальным предлогом.⁷² Но после того, как оппозиция в декабре 2003 г. вновь собрала еще больше подписей, Чавесу, столкнувшемуся с новыми массовыми акциями протеста, пришлось уступить.

Референдум, состоявшийся 15 августа 2004 г., проходил в условиях бурного роста цен на нефть, спровоцированного войной в Ираке, который позволил Венесуэле вновь достичь 9% годового экономического роста. Чавес, направивший значительную часть нефтяных сверхдоходов на социальные программы (государственные расходы с 1999 по 2004 гг. выросли более чем в полтора раза),⁷³ смог вновь выйти сухим из воды: на референдуме против отзыва проголосовали 59% венесуэльцев.

Оппозиция обвиняла Чавеса в подтасовке результатов, тем более что в результате новой процедуры регистрации избирателей численность участников голосования накануне выборов загадочным образом увеличилась на 12%.⁷⁴ Вслед за этим деморализованная оппозиция потерпела жестокое поражение на региональных выборах в октябре 2004 г. Ее грубой ошибкой стал отказ от участия

⁷⁰ Там же. С. 128-129.

⁷¹ Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 82-83.

⁷² См.: McCoy J., The Referendum in Venezuela: One Act in an Unfinished Drama // Journal of Democracy, 2005. Vol. 16, № 1. P. 114-115; Kornblith M. Elections versus Democracy // Journal of Democracy, 2005. Vol. 16, № 1. P. 124-126.

⁷³ Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 77.

⁷⁴ McCoy J., The Referendum in Venezuela: One Act in an Unfinished Drama // Journal of Democracy, 2005. Vol. 16, № 1. P. 118; Kornblith M. Elections versus Democracy // Journal of Democracy, 2005. Vol. 16, № 1. P. 131-133; Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 80.

в новых парламентских выборах 2005 г.,⁷⁵ что предоставило Чавесу полный контроль над законодательной властью. Вскоре списки лиц, подписавших петиции с требованиями референдума, были размещены в интернете, в то время как уголовный кодекс страны пополнился нормой о возможности преследования граждан за неуважение к властям и к чиновникам;⁷⁶ таким образом, граждане Венесуэлы оказались подотчетны своему государству. В этой обстановке 3 декабря 2006 г. Чавес легко добился переизбрания на свой новый (официально — второй) срок, получив поддержку 61% избирателей против 37% за его конкурента Мануэля Росалеса, поддержанного оппозицией. Годом позже Чавес попытался конвертировать электоральную поддержку в неограниченную власть. 2 декабря 2007 г. на референдум были вынесены 69 поправок в конституцию страны, существенно расширявших власть руководителя государства, а главное — отменявших ограничения сроков его полномочий. Несмотря на беспрецедентное давление на оппозицию, Чавесу не удалось добиться победы: по официальным данным, 50,7% венесуэльцев проголосовали против предложений президента, отвергнув идею его пожизненного правления.

Экономическая политика Чавеса на фоне беспрецедентно высоких цен на нефть отличалась расширением масштабов государственного интервенционизма, охватывавшего теперь уже не только нефтяной сектор, но и другие отрасли экономики. Национализированы были не только нефтепереработка, но и предприятия энергетики, телекоммуникаций и водоснабжения. Летом 2005 г. в Венесуэле силами национальной гвардии была проведена конфискация частных земельных угодий, отныне объявленных собственностью государства.⁷⁷ В конце 2006 г. по инициативе Чавеса были резко расширены масштабы регулирования розничных цен (эта практика началась еще в 2003 г.). Предсказуемой реакцией рынка на установление предельных отпускных цен стал жесточайший дефицит основных продуктов питания. В ответ правительство одобрило закон, позволяющий национализацию частных магазинов и конфи-

⁷⁵ См., в частности: Дабагян Э. Кубинский социализм на венесуэльской почве [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.polit.ru/analytics/2007/01/12/venezuela.html (доступ 11 марта 2007 г.).

⁷⁶ Kornblith M. Elections versus Democracy // *Journal of Democracy*, 2005. Vol. 16, № 1. P. 135-136; Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 80.

⁷⁷ Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 79.

скацию продуктов.⁷⁸ Хотя официальная доля бедняков в Венесуэле только за 2003–2006 годы упала с 60 до 40%, а безработица при Чавесе снизилась вдвое, эти достижения стали возможны благодаря раздаче населению части нефтяной ренты и созданию рабочих мест в раздувшемся государственном секторе. По сути, новые распределительные коалиции с участием низших слоев сменили прежние распределительные коалиции с участием среднего класса. Однако в период 1958–1998 гг. формальные и неформальные «правила игры» в рамках этих коалиций оставались стабильными, и даже глава государства, сохраняя за собой позиции доминирующего актора, не мог односторонне нарушать эти правила (примером чего служит отставка Переса в 1993 г.). Напротив, при Чавесе в Венесуэле отсутствует (по крайней мере, пока) сопротивление со стороны «вето-акторов», и потому доминирующий актор может произвольно менять «правила игры» по своему усмотрению. Неудивительно, что к 2006 г. страна опустилась на 130-е место (из 159) в рейтинге восприятия коррупции *Transparency International*.⁷⁹ После президентских выборов 2006 г. Чавес официально провозгласил новый курс на построение «венесуэльского социализма», параметры которого, помимо прочего, предполагают и продление полномочий президента на неопределенный срок.⁸⁰ Придя к власти на волне критики партийной системы страны, в конце 2006 г. Чавес провозгласил необходимость создания опоры режима в лице «партии власти».⁸¹

По мере роста цен на нефть Венесуэла — второй по значимости экспортер нефти в Западном полушарии и крупнейший после Канады поставщик на рынке США⁸² — стала переходить к все более активной и агрессивной внешней политике. Если поддержка Чавесом кубинского режима Кастро (дружба Уго и Фиделя началась еще

⁷⁸ См., например: Президент Венесуэлы начинает продрозверстку в сетях продуктовых магазинов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.newsru.com/finance/12feb2007/chavezfood.html (доступ 11 марта 2007 г.).

⁷⁹ См.: Мировая экономика и международные отношения, 2007, № 2. С. 98.

⁸⁰ Дабагян Э. Кубинский социализм на венесуэльской почве [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.polit.ru/analytics/2007/01/12/venezuela.html (доступ 11 марта 2007 г.).

⁸¹ См., например: Чавес создаст однопартийную систему во главе с соцпартией [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.polit.ru/news/2006/12/16/_chaves_uno_partie.html (доступ 11 марта 2007 г.).

⁸² Barnes A. Russia, Oil, and the Rest of the World: Practice and Theory. Paper presented at the PONARS Academic Conference. Washington, DC, December 2006. P. 25; Булавин В., Дабагян Э., Семенов В. Венесуэла в поисках альтернативы. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002. С. 174–175.

в 1994 г.) имела локальное значение,⁸³ то попытки Чавеса сколотить антиамериканскую коалицию на всем континенте были куда более заметными. 2000-е гг. в Латинской Америке ознаменовались «левым поворотом»: на волне разочарования в результатах либеральных реформ 1990-х к власти во многих странах пришли лидеры левой ориентации. Попытки Чавеса оседлать эту волну не всегда встречали поддержку его более умеренных коллег, но при этом он, подобно Фиделю в начале 1960-х, оставался самым популярным латиноамериканским политиком. Вмешательство Чавеса в ход избирательной кампании в Боливии содействовало приходу к власти ее президента Эво Моралеса, провозгласившего курс на национализацию экономики и ставшего ключевым союзником Чавеса (другим «прорывом» левых на континенте стал Эквадор).⁸⁴ Нападки на курс венесуэльского президента со стороны США на фоне высоких нефтяных цен лишь укрепляли его позиции как внутри страны, так и среди соседей.⁸⁵ Более того, Чавес активно сотрудничает почти со всеми режимами, противостоящими США, и, разумеется, стал ближайшим союзником российских властей. Последние, помимо общей ненависти к США и взаимной заинтересованности в извлечении ресурсной ренты (как и в сохранении максимально возможных цен на нефть), также обнаружили в Венесуэле и привлекательный рынок для сбыта российского оружия.

Пока трудно сказать, каковы перспективы нынешнего венесуэльского режима, да и в целом нефтяного государства. В краткосрочной перспективе, при наличии нынешнего уровня ресурсной ренты, Чавес вполне способен сохранить статус-кво, если он не будет чрезмерно зарываться как во внутренней, так и во внешней политике — иначе говоря, не станет доводить конфликты до прямого силового противостояния. Долгосрочное снижение цен на нефть, однако, способно похоронить и режим, и экономику страны. Так или иначе, Чавес оставит своей стране в наследство несбывшиеся ожидания, проеденные ресурсы и неэффективные институты. Венесуэла

⁸³ Дабагян Э. Кубинский социализм на венесуэльской почве [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.polit.ru/analytics/2007/01/12/venezuela.html (доступ 11 марта 2007 г.).

⁸⁴ Подробнее о «левом повороте» в Латинской Америке см.: Shamis H.E. Populism, Socialism, and Democratic Institutions // *Journal of Democracy*, 2006. Vol. 17, № 4. P. 20-34; Cleary M.R. Explaining the Left's Resurgence // *Journal of Democracy*, 2006. Vol. 17, № 4. P. 35-39; Латинская Америка: возвращение на авансцену мировой политики // *Мировая экономика и международные отношения*, 2007, № 2. С. 90-100.

⁸⁵ Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 81-82.

попала в институциональную ловушку «ресурсного проклятия» за-долго до Чавеса; но его правление усугубляет хронические болезни экономической и политической системы страны.

Мексика: взлет и падение авторитаризма

В отличие от Венесуэлы, влияние нефтяного фактора на политико-экономическое развитие Мексики следует оценить как относительно скромное. Строго говоря, Мексику не следует даже относить к «нефтяным государствам», если в качестве критерия принадлежности к ним использовать показатели производства и экспорта нефти на душу населения, как это делают ряд экспертов.⁸⁶ В отличие от Венесуэлы, занимающей по обоим этим показателям восьмое место в мире, Мексика, чье население более чем в четыре раза превышает венесуэльское (106,2 млн жителей против 25,4 млн) не входит даже в двадцатку мировых лидеров.⁸⁷ По сути, лишь дважды в истории нефть оказывалась центральным аспектом мексиканской политики: в конце 1930-х гг., когда в ходе становления однопартийного режима была произведена национализация нефтяной отрасли, и в 1970–1980-е, когда сперва нефтяной бум способствовал резкому увеличению объемов добычи и экспорта нефти, а затем падение мировых цен усугубило экономический кризис в стране (способствовавший, помимо прочего, падению мексиканского режима).

Политическая история Мексики отмечена двумя весьма длительными периодами стабильных авторитарных режимов и несколькими периодами политической нестабильности. После войны за обретение независимости в 1810 г. страна пережила серию острых внутренних конфликтов, поражение в войне за независимость Техаса в 1836 г., и в войне 1846–1848 гг. США, в результате которых она потеряла наибольшую часть своей территории от Калифорнии до Вайоминга. Принятие в 1857 г. конституции страны не помогло решению политических проблем. Как и ряд других стран Латинской Америки, Мексика, заимствовав американскую модель конституции с сильной президентской властью, не смогла создать ни стабильной конкурентной партийной системы, ни устойчивой федерации. На протяжении длительного периода ей были присущи жестокие персоналистские режимы личной власти «каудильо», самым известным из которых

⁸⁶ См., например, Милов В. Может ли Россия стать нефтяным раем? // Pro et Contra, 2006. Т. 10, № 2-3. С. 6-15.

⁸⁷ Там же. С. 10-11.

был правивший страной 35 лет Порфирио Диас.⁸⁸ Во времена «*the Porfiriato*» ключевые сектора мексиканской экономики, включая и нефтяную отрасль, находились под контролем иностранного, прежде всего, американского капитала. По мере процесса модернизации, становления национальной буржуазии и городского среднего класса, в стране росло массовое недовольство престарелым диктатором и его кликой, в конечном итоге спровоцировавшее мятеж 1910 г., переросший в революцию.⁸⁹ Вслед за свержением Диаса весной 1911 г. на юге страны вспыхнуло крестьянское восстание под руководством Эмилиано Запата, а на севере власть захватила армия во главе с Панчо Вилья, сформированная из безземельных крестьян и безработных. Фактически страна вступила в гражданскую войну. Под давлением требований рабочих и крестьян в 1917 г. (практически одновременно с революцией в России) Мексика приняла новую конституцию, провозгласившую государственный контроль над всеми природными ресурсами страны, право государства на распределение земли, подчинение католической церкви государству и гарантии занятости для рабочих.⁹⁰ Одним из важнейших положений новой конституции стал также запрет на переизбрание главы государства по истечении срока его полномочий, призванный не допустить появления новых «каудильо». Но, в отличие от России, буржуазная революция в Мексике не переросла в социалистическую: борьба между революционными лидерами за контроль над центральным правительством спровоцировала регионализацию страны. Разные части мексиканской территории оказались под контролем полевых командиров, а на локальном уровне реальная власть принадлежала местным боссам — «касикам».⁹¹ К 1920 г. самый умеренный из вождей революции, президент Мексики Венустиано Карранса, смог добиться подавления мятежей радикалов, но он не смог удержать контроль над армией и не избежал военного переворота, в результате которого к власти в Мексике пришел новый глава государства, генерал Альваро Обрегон. Опираясь на пеструю коалицию различных политиче-

⁸⁸ Подробнее см.: The Caciques: Oligarchical Politics and the System of Caciquismo in the Luso-Hispanic World / R.Kern, with R.Dolkart (eds.). Albuquerque, NM: University of New Mexico Press, 1973.

⁸⁹ Cornelius W. Politics in Mexico // Comparative Politics Today: A World View / G.A.Almond, G.B.Powell (eds.). New York: Harper Collins College Publishers, 1996. Sixth edition. P. 499-500.

⁹⁰ Story D. The Mexican Ruling Party: Stability and Authority. New York: Praeger, 1986. P. 13-18.

⁹¹ Cornelius W. Politics in Mexico // Comparative Politics Today: A World View / G.A.Almond, G.B.Powell (eds.). New York: Harper Collins College Publishers, 1996. Sixth edition. P. 500.

ских сил, он смог восстановить контроль над регионами и не допустить новых путчей и восстаний. В 1924 г. он — впервые более чем за 40 лет истории Мексики — передал власть своему союзнику и преемнику на посту президента, генералу Плутарко Кальесу.⁹² Но экономическая повестка дня оставалась прежней: национализация, раздача земель крестьянам и государственный контроль. Поэтому, хотя после завершения революции добычу нефти удалось быстро восстановить, ее объемы упали с уровня в 530 тыс. баррелей в день в 1921 г. более чем в 5 раз, снизившись к 1930 г. до 100 тыс. баррелей в день.⁹³ Международные нефтяные компании, не без оснований опасавшиеся экспроприации собственности, не только не спешили инвестировать в нестабильную страну, но и переносили производство в ту же Венесуэлу.

Четыре года спустя, в 1928 г. Обрегон был вновь избран на пост главы государства при поддержке Кальеса. Но во время банкета по случаю этой победы Обрегон (как и Кальес, радикальный антиклерикалист) был застрелен религиозным фанатиком. Мексиканская элита, едва пришедшая в себя после революции и длительного периода нестабильности, оказалась перед угрозой нового политического кризиса. В этой ситуации Кальес, не имевший более возможности занимать пост президента, но стремившийся предотвратить внутриэлитные конфликты, пошел по нестандартному для латиноамериканских лидеров пути. Добившись от парламента назначения своего ставленника в качестве временного президента, он не просто манипулировал за кулисами принятием всех политических решений, но и создал новую политическую коалицию в поддержку сохранения стабильности режима — Национально-революционную партию. В нее вошли некоторые прежние партии, часть профсоюзов, аграрии, военные и локальные политические машины «касигов».⁹⁴ Новоявленная «партия власти» взяла под свой контроль важнейшие правительственные посты и, опираясь на государственный аппарат, получила сокрушительное превосходство на новых выборах, характеризовавшихся высоким уровнем фальсификаций вплоть до конца 1990-х гг. Но при этом нестабильность в Мексике по-прежнему сохранялась, особенно в

⁹² Story D. *The Mexican Ruling Party: Stability and Authority*. New York: Praeger, 1986. P. 18-19.

⁹³ Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 180.

⁹⁴ См.: Story D. *The Mexican Ruling Party: Stability and Authority*. New York: Praeger, 1986. P. 20-23; Knight A. *Mexico's Elite Settlement: Conjuncture and Consequences // Elites and Democratic Consolidation in Latin America and Southern Europe / J.Higley, R.Gunther (eds.)*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 113-145.

преддверии новых президентских выборов, назначенных на 1934 год (срок президентских полномочий, который был продлен до шести лет, получил название «сексенио»). В результате, при поддержке Кальеса, на пост главы государства был выдвинут единый кандидат правящей элиты, генерал Лазаро Карденас, ранее занимавший посты руководителя национального исполкома «партии власти», министра обороны и министра внутренних дел. Именно при Карденасе «партия власти» стала подлинной опорой и важнейшим инструментом режима и самого президента страны. Карденас же с помощью партии смог избавиться от вызовов со стороны военных и касиков и установить свой контроль над ними. Кальес, оказавшийся не у дел и пытавшийся играть свою игру, был выслан из страны.⁹⁵

Экономическая политика Карденаса, хотя и находилась под влиянием левых идей, все же ставила целью не разрушение капиталистического строя, а установление государственного капитализма: генерал был не социалистом, а националистом.⁹⁶ С одной стороны, Карденас стремился расширить социальную базу своей поддержки и проводил массовую раздачу земельных наделов крестьянам (при Кальесе этот процесс шел крайне медленно). С другой стороны, он вынужден был добиваться умиротворения радикальных профсоюзов, которые регулярно прибегали к забастовкам, грозившим парализовать страну. В 1936 г. Карденас добился принятия закона об экспроприации, который предоставлял государству возможность национализации частных предприятий (с выплатой компенсации владельцам). В 1937 г. были национализированы национальные железные дороги, небольшая доля акций которых принадлежала иностранным (американским) владельцам, а в марте 1938 г. ответом Карденаса на длившуюся почти десять месяцев забастовку работников нефтяников (уровень добычи нефти в этот период сократился наполовину) стало решение о национализации всей отрасли. Хотя мексиканские нефтяные компании на 95% принадлежали американскому и британскому капиталу (две американские фирмы контролировали свыше 70% производства нефти в стране), этот шаг Карденаса не встретил силового сопротивления за рубежом на фоне общей обстановки в мире в преддверии

⁹⁵ Подробнее см.: Cornelius W. *Nation Building, Participation, and Distribution: The Politics of Social Reform under Cardenas* // *Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development* / G.A.Almond, S.Flanagan, R.Mundt (eds.). Boston: Little, Brown, 1973. P. 398-402; Story D. *The Mexican Ruling Party: Stability and Authority*. New York: Praeger, 1986. P. 23-24.

⁹⁶ Cornelius W. *Politics in Mexico* // *Comparative Politics Today: A World View* / G.A.Almond, G.B.Powell (eds.). New York: Harper Collins College Publishers, 1996. Sixth edition. P. 501.

Второй мировой войны. О национализации мексиканской «нефтянки» было объявлено лишь через восемь дней после того, как Гитлер объявил об аншлюсе Австрии. Опасения того, что силовые меры по возврату контроля над нефтяной отраслью ее прежним владельцам могут толкнуть Мексику, да и всю Латинскую Америку, в объятия нацистов и их союзников, перевесили экономические соображения. Правительство Рузвельта, незадолго до этого провозгласившее политику добрососедства в отношении латиноамериканских стран, предпочло не рисковать и ограничиться лишь экономическими санкциями, которые дали незначительный эффект.⁹⁷ В политическом плане этот расчет оказался правильным: в ходе Второй мировой войны Мексика выступила верным союзником США и обеспечивала поставки топлива своему северному соседу, чему немало способствовал сам Карденас, занимавший в тот период пост министра обороны.⁹⁸ К тому же решение о национализации было с энтузиазмом встречено в самой Мексике: профсоюзы не только организовали массовые демонстрации в поддержку Карденаса, но даже объявили мораторий на забастовки и, в конечном итоге, перешли под патронаж и под политический контроль главы государства. Организованная «партией власти» кампания по сбору средств в специально созданный Фонд экономического освобождения, предназначенный для выплаты компенсаций прежним владельцам отрасли, позволила включить в сферу ее влияния даже те политические силы, которые прежде находились в оппозиции к Карденасу (эта акция имела, скорее, символический, чем экономический эффект). Сам Карденас успешно использовал демонстрационный эффект национализации, мобилизовав в свою поддержку не только различные группы мексиканского общества, но и сегменты элит. На своем внеочередном съезде, открывшемся спустя две недели после решения о национализации «нефтянки», «партия власти» по инициативе Карденаса была реорганизована по корпоративистскому принципу. Она превратилась из рыхлой коалиции в единую, иерархически организованную структуру, которая пронизала государственный аппарат и армию и обеспечила эффективный массовый патронаж.⁹⁹ Вскоре вспыхнувший мятеж правых во главе с генералом Сатурнино Седильо, вокруг фигуры которого

⁹⁷ Cornelius W. Nation Building, Participation, and Distribution: The Politics of Social Reform under Cardenas // Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development / G.A. Almond, S. Flanagan, R. Mundt (eds.). Boston: Little, Brown, 1973. P. 469-472.

⁹⁸ Story D. The Mexican Ruling Party: Stability and Authority. New York: Praeger, 1986. Chapter 5.

⁹⁹ Story D. The Mexican Ruling Party: Stability and Authority. New York: Praeger, 1986. Chapter 2.

сплотились бывшие сторонники Кальеса и радикальные католики, был легко подавлен силами армии и лояльных Карденасу вооруженных рабочих отрядов, а глава государства обвинил международные нефтяные компании в организации заговора (Седильо выступал против национализации нефтяной отрасли, обвинив Карденаса в атеизме и большевизме).¹⁰⁰

Однако экономически Мексика немало пострадала от национализации нефтяной отрасли: хотя производство нефти удалось восстановить довольно быстро (уже в июне 1938 г. его уровень достиг 65% от дозаставочного), но в целом национальная нефтяная компания *PEMEX* (в настоящее время — крупнейшая в Латинской Америке) так и не смогла наладить эффективное управление и обеспечить успешное развитие отрасли.¹⁰¹ Во-первых, эмбарго на поставки нефти из Мексики привело к вытеснению страны с международных рынков, контролировавшихся международными компаниями: экспорт нефти, а вслед за ним и уровень добычи снизились всерьез и надолго.¹⁰² Достаточно сказать, что к 1965 г. ежегодная добыча нефти в Мексике составляла лишь 362 тыс. баррелей в день (почти в 10 раз уступая Венесуэле — 3503 тыс. баррелей),¹⁰³ а в число ведущих мировых экспортеров страна вернулась лишь в конце 1970-х (хотя в ОПЕК Мексика так и не вступила). Во-вторых, массивная утечка капитала сразу после национализации «нефтянки» привела к росту цен и к девальвации национальной валюты на 39%; прежний уровень инвестиций удалось восстановить лишь после Второй мировой войны. В-третьих, резкое сокращение налоговой базы после национализации усугубило наметившийся экономический спад, что вынудило правительство пойти на снижение социальных расходов (на образование, программы по созданию рабочих мест и др.). Несмотря на это, Карденасу удалось сохранить контроль над ситуа-

¹⁰⁰ Cornelius W. Nation Building, Participation, and Distribution: The Politics of Social Reform under Cardenas // Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development / G.A.Almond, S.Flanagan, R.Mundt (eds.). Boston: Little, Brown, 1973. P. 472. Это восстание было последним случаем открытого вмешательства военных в мексиканскую политику.

¹⁰¹ В частности, из-за нехватки нефтеперерабатывающих мощностей Мексика вынуждена вплоть до настоящего времени частично импортировать бензин из США.

¹⁰² Cornelius W. Nation Building, Participation, and Distribution: The Politics of Social Reform under Cardenas // Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development / G.A.Almond, S.Flanagan, R.Mundt (eds.). Boston: Little, Brown, 1973. P. 470; Karl T.L. The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 180.

¹⁰³ Barnes A. Russia, Oil, and the Rest of the World: Practice and Theory. Paper presented at the PONARS Academic Conference. Washington, DC, December 2006. P. 24.

цией в стране, и в 1940 г., по окончании своего президентского срока, он добился избрания на пост главы государства предложенного им преемника, Авила Камачо, который правил страной до 1946 г. В 1942 г. Камачо смог подписать соглашения с США, смягчавшие напряженность в отношениях с северным соседом из-за национализации нефтяной отрасли. Последующие три десятилетия стали «золотым веком» стабильности мексиканского однопартийного режима.¹⁰⁴ Достаточно сказать, что Мексика оказалась единственной страной Латинской Америки, которая после Второй мировой войны сохраняла недемократический режим и при этом не испытала никаких государственных и/или военных переворотов.

Мексиканский политический режим десятилетиями был основан на господстве «партии власти» — Партии институционализированной революции (*PRI*), которая безраздельно правила на всех уровнях власти и охватывала все сегменты мексиканской элиты (правда, в отличие от СССР, другие партии режим не преследовал). Но *PRI* была не столько правящей партией, определяющей состав и политику правительства, сколько президентской партией, поддерживавшей статус-кво независимо от персоналий и политического курса руководства страны. Хотя формально «партия власти» номинировала кандидатов на президентский пост, на деле именно глава государства контролировал партию, назначая своих ставленников на посты партийных лидеров.¹⁰⁵ Соответственно, влияние партии на выработку политического курса и принятие важнейших решений было ограниченным: ключевую роль в этом процессе играли правительство и влиятельные группы (бизнес, профсоюзы), а *PRI post factum* одобряла «спущенные» президентские законопроекты.¹⁰⁶ Это вело к своего рода «эффекту маятника», когда президентов левой ориентации в Мексике регулярно сменяли правые, и наоборот,¹⁰⁷ безотносительно не только к воле избирателей, но и к мнению партийных боссов. Сменявшие друг друга каждые шесть лет президенты самостоятельно формировали свои кабинеты министров, опираясь на профессиональных технократов и (в меньшей мере) на свои личные клиентелы (камарильи),

¹⁰⁴ Подробные описания см., в частности: Cothran D. Political Stability and Democracy in Mexico: The “Perfect Dictatorship”? Westport, CT: Praeger, 1994; Story D. The Mexican Ruling Party: Stability and Authority. New York: Praeger, 1986.

¹⁰⁵ См.: Story D. The Mexican Ruling Party: Stability and Authority. New York: Praeger, 1986. P. 76-82; Scott R.E. Mexican Government in Transition. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1964. Chapters 5, 8, 9.

¹⁰⁶ Purcell S.K. Decision-Making in Authoritarian Regime: Theoretical Implications from a Mexican Case Study // World Politics, 1973, vol. 26, № 1. P. 28-54.

¹⁰⁷ Story D. The Mexican Ruling Party: Stability and Authority. New York: Praeger, 1986. P. 30-41.

сами подбирали себе преемников (как правило, из числа министров) и по истечении своего президентского срока уходили с авансены мексиканской политики. Именно среди министров обычно и проходил своего рода конкурс потенциальных «преемников». Завершая свой «сексенио», каждый глава государства всякий раз вынужден был не только подбирать официального кандидата, позднее утверждавшегося *PRI*, но и держать свой выбор в тайне до момента начала официального выдвижения, чтобы избежать открытой внутрипартийной борьбы.¹⁰⁸ В свою очередь, и кандидаты в «преемники» стремились публично ничем не выдавать своих президентских амбиций: фальстарт в гонке мог стоить им отказа в благосклонности патрона. Дабы избежать несанкционированного использования «административного ресурса» и конкуренции между представителями «партии власти», после президентских выборов 1946 г. в избирательный закон были внесены поправки. В выборах не могли участвовать действующие депутаты, чиновники и военные: право баллотироваться (притом не на тот же самый пост, который они занимали ранее) все эти лица получали, лишь если они уходили в отставку со своих постов не позднее чем за полгода до дня голосования. Неудивительно, что альтернативные кандидаты не имели никаких шансов и новым президентом становился только тот политик, на кого уходящий президент обращал свой указательный палец (по-испански — «дедазо»). Именно словом «дедазо» и обозначалась десятилетиями не знавшая сбоев мексиканская модель передачи власти.

Основным ресурсом мексиканской «партии власти» было ее сращивание с государственным аппаратом (дополнявшееся массовым патронажем, особенно на местном уровне), но никак не идеология, остававшаяся эклектичной и весьма расплывчатой. В то же время, в рамках традиционного лево-правого континуума, *PRI* устойчиво занимала место «центра», загоняя в узкие идеологические «гетто» как многочисленные, но очень слабые левые партии, так и связанные с католической церковью правые круги, которые представляла консервативная Партия национального действия (*PAN*). Присутствие в мексиканской политике оппозиции, не способной создать серьезные вызовы режиму, легитимировало безраздельное господство *PRI* как на электоральной, так и на парламентской аренах. При отсутствии конкуренции избиратели не проявляли интереса к «выборам без выбора»: явка на президентские выборы в 1940–1950-е гг. упала даже

¹⁰⁸ Cornelius W. Politics in Mexico // Comparative Politics Today: A World View / G.A.Almond, G.B.Powell (eds.). New York: Harper Collins College Publishers, 1996. Sixth edition.P. 512-513.

ниже 50%.¹⁰⁹ Чтобы поднять уровень участия масс, в деревни даже завозили машины с обувью: перед голосованием избирателям бесплатно раздавали ботинки на левую ногу, а тем, кто пришел на участок, давали еще и правые. Не приходится удивляться тому, что в рамках классического сравнительного исследования политических культур, которое провели на рубеже 1950–1960-х гг. Габриэль Алмонд и Сидней Верба, Мексика оказалась представлена как образец «патриархальной» или «приходской» (*parochial*) политической культуры.¹¹⁰ Вдохнуть новую жизнь в политическое устройство была призвана прошедшая в 1977 г. реформа избирательной системы, направленная на расширение представительства оппозиции в парламенте, а также в региональных legislatures.¹¹¹ Одним из следствий такого положения дел стала относительно низкая степень репрессивности мексиканского режима, терпевшего до известных пределов плюрализм в средствах массовой информации или автономии университетов. Как отмечалось исследователями еще в 1960-е гг., по отношению к диссидентам режим предпочитал стратегию кооптации, предлагая им возможности карьерного роста и/или материальные блага в обмен на лояльность *PRI*,¹¹² но если те проявляли несговорчивость, то он мог применить и силовое подавление (разгон студенческих манифестаций, закрытие неугодных газет и др.).¹¹³

PRI имела организационную структуру, нетипичную для большинства политических партий. В 1938 г. по предложению Карденаса «партия власти» была разделена на несколько иерархически устроенных секторов — рабочий, крестьянский и так называемый «народный» (в него входили государственные служащие и представители среднего класса).¹¹⁴ Каждый из этих секторов благодаря коллективному членству в *PRI* соответствующих профсоюзов и других лояльных «партии власти» общественных объединений охватывал определенные социальные группы (формально численность партии к началу 1980-х гг. превышала 12 млн человек). Все сектора были

¹⁰⁹ Ibid. P. 539.

¹¹⁰ Almond G.A., S.Verba, *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1963.

¹¹¹ См.: Ochoa-Reza E. *Multiple Arenas of Struggle: Federalism and Mexico's Transition to Democracy // Federalism and Democracy in Latin America*. P. 255-296.

¹¹² См.: Anderson B., J.D.Cockroft. *Cooptation and Control in Mexican Politics // International Journal of Comparative Sociology*, 1966. Vol. 7, № 1. P. 11-28.

¹¹³ См., в частности: Cothran D. *Political Stability and Democracy in Mexico: The «Perfect Dictatorship»? Westport, CT: Praeger, 1994. Chapter 5; Story D. The Mexican Ruling Party: Stability and Authority. New York: Praeger, 1986. P. 98-117.*

¹¹⁴ Существовал также и военный сектор, упраздненный в 1946 г., когда угроза военного путча полностью утратила актуальность.

представлены в руководстве партийных организаций на общенациональном и на местном уровнях. Это позволяло мексиканскому режиму решать три взаимосвязанные задачи: 1). в сферу влияния «партии власти» входили максимально широкие слои населения, а сама *PRI* успешно служила корпоративистским механизмом представительства интересов различных групп, обеспечивая тем самым организационное единство мексиканских элит;¹¹⁵ 2). воздействие на *PRI* со стороны губернаторов и касиков было ограниченным, что способствовало большей централизации управления как партий, так и страной в целом; 3). под контроль президента оказался поставлен организационно раздробленный партийный аппарат, политическое влияние которого снизилось благодаря внутрипартийной конкуренции по принципу «разделяй и властвуй».¹¹⁶

Устойчивость «дедазо» была вызвана не только господством *PRI*, но и успехами социально-экономической модели, созданной при Карденасе. После длительного периода политической нестабильности централизация управления страной и раздача крестьянам земельных наделов бывших латифундий помогли режиму заручиться поддержкой масс.

Несмотря на резкий поворот в сторону экономического национализма во времена Карденаса, в дальнейшем экономическая политика оставалась стабильной. Курс, который проводили мексиканские правительства в 1950–1960-е гг., при президентах Мигеле Алемане (1946–1952), Руисе Кортинесе (1952–1958), Лопесе Матеосе (1958–1964) и в особенности при консервативном Диасе Ордасе (1964–1970), отнюдь не был популистским. Страна демонстрировала высокие темпы экономического роста (от 6 до 7% в год) и низкую инфляцию, не превышавшую 3% в год: специалисты даже говорили о мексиканском экономическом чуде.¹¹⁷ Не обладая сильным административным аппаратом, мексиканское государство установило чуть ли не самые низкие в мире ставки налогообложения, стремясь тем самым привлечь иностранный капитал. Впрочем, по самым минимальным подсчетам, не менее 70% предпринимателей уклонялись от уплаты

¹¹⁵ См.: Stevens E.P. Mexico's PRI: The Institutionalization of Corporatism? // *Authoritarianism and Corporatism in Latin America* / J.M.Malloy (ed.). Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 1977. P. 227-258.

¹¹⁶ В Советском Союзе сходные цели преследовало разделение комитетов КПСС на промышленные и сельскохозяйственные, проведенное Хрущевым в 1962 г. и отмененное после его свержения с поста главы партии и государства.

¹¹⁷ Heath J. Mexico and the Sexenio Curse: Presidential Successions and Economic Crises in Modern Mexico. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 1999. P. 19.

налогов.¹¹⁸ Модернизация страны в этот период привела к росту урбанизации и к укреплению среднего класса (к началу 1970-х гг. составившему 29% населения), но одновременно и к социальной поляризации и неравенству в доходах между социальными группами населения и между регионами (относительно успешным северным штатам противостояли отстающие юго-восточные).¹¹⁹ Чудо мексиканской стабильности не могло длиться вечно: в 1970–1980-е гг. на смену ему пришли суровые испытания.

Первым серьезным внутривнутриполитическим конфликтом, потрясшим Мексику, стала волна студенческих выступлений, прокатившаяся по всему миру в 1968 г. В мексиканской столице демонстрации студентов — предвестник выхода на политическую арену нового городского среднего класса — были жестоко подавлены правительством Диаса в преддверии Олимпийских игр, что стало шоком для страны, десятилетиями не знавшей массового насилия. Неудивительно, что пришедший к власти в 1970 г. Луис Эчеверрия провозгласил в качестве приоритета своего «сексенио» борьбу за снижение социального неравенства. Масштабы вмешательства мексиканского государства в экономику резко возросли: оно стало главным работодателем, банкиром и предпринимателем в стране. Достаточно сказать, что число государственных предприятий при Эчеверрии возросло с 84 в 1970 г. до 845 в 1976 г. Вслед за этим возросли дефицит бюджета и инфляция, которые покрывались за счет роста внешнего долга страны, увеличившегося в 1970–1976 гг. в 2,5 раза (с 12,1 млрд до 30,5 млрд долл.). В итоге, осенью 1976 г., спустя лишь два месяца после того, как преемник Эчеверрия, министр финансов Лопес Портильо, был избран на пост президента, Мексика была вынуждена впервые за 22 года пойти на девальвацию песо.¹²⁰ Портильо пытался не допустить ухудшения ситуации и снизить долговую зависимость страны, но как раз в это время Мексика испытала приток средств от экспорта нефти в результате кризиса 1973 г. Добыча нефти уже к 1975 г. возросла до 806 тыс. баррелей в день, а после 1976 г. началась активная разработка новых месторождений на шельфе Мексиканского залива, и в 1978 г. страна вошла в число ведущих мировых экспор-

¹¹⁸ Cornelius W. Politics in Mexico // Comparative Politics Today: A World View / G.A. Almond, G.B. Powell (eds.). New York: Harper Collins College Publishers, 1996. Sixth edition. P. 540, 545. Примечательно, что за весь период с 1921 по 1988 гг. в Мексике за неуплату налогов были арестованы два человека.

¹¹⁹ Ibid. P. 541-542.

¹²⁰ Heath J. Mexico and the Sexenio Curse: Presidential Successions and Economic Crises in Modern Mexico. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 1999. P. 19-20.

теров нефти. К 1985 г. Мексика добывала 2912 тыс. баррелей нефти в день, уступая по объему добычи лишь СССР, США и Саудовской Аравии.¹²¹ Особенно бурный рост экспортных доходов страна пережила во время нефтяного бума 1979–1981 гг., когда экономический рост достигал 8–9% в год.¹²² Правительство Мексики (как и в Венесуэле в тот же период) рассчитывало за счет этих доходов покрыть нарастающий дефицит бюджета. Но, как и в случае Венесуэлы, оно оказалось неспособным справиться ни с нарастающими требованиями со стороны распределительных коалиций, ни с увеличением объемов внешнего долга. В 1981 г. в Мексике начался отток капитала, усугубившийся после резкого снижения цен на нефть (за год они упали вдвое). Это повлекло за собой и девальвацию песо. Но в преддверии назначенных на июль 1982 г. новых президентских выборов правительство вместо того, чтобы жестко экономить бюджетные средства, напротив, подняло зарплаты. В результате пришедший к власти новый президент Мигель де ла Мадрид национализировал банки, провел еще одну девальвацию, общий масштаб которой в течение 1982 г. превысил 100%, и вынужден был объявить о невозможности выплаты внешнего долга Мексики (на тот момент платежи превышали 35% от валового национального продукта страны). Переговоры с США и с частными кредиторами о реструктуризации внешнего долга тянулись несколько лет, в течение которых правительство де ла Мадрида при поддержке Международного валютного фонда безуспешно пыталось достичь финансовой стабилизации. Когда же, наконец, к 1985 г., после еще одной девальвации, внешний долг Мексики был реструктурирован, а правительство запустило программу экономических реформ, новый спад мировых цен на нефть похоронил все надежды: к концу 1987 г., накануне новых президентских выборов, инфляция превысила 159%.¹²³

Следствием череды кризисов стал раскол мексиканской элиты. Помимо традиционной правой оппозиции — консервативной Партии национального действия (*PAN*), господству *PRI* был брошен и вызов слева. Группа влиятельных деятелей «партии власти» во главе с сы-

¹²¹ Barnes A. Russia, Oil, and the Rest of the World: Practice and Theory. Paper presented at the PONARS Academic Conference. Washington, DC, December 2006. P. 24.

¹²² Heath J. Mexico and the Sexenio Curse: Presidential Successions and Economic Crises in Modern Mexico. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 1999. P. 21.

¹²³ Heath J. Mexico and the Sexenio Curse: Presidential Successions and Economic Crises in Modern Mexico. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 1999. P. 22-29; Cornelius W. Politics in Mexico // Comparative Politics Today: A World View / G.A. Almond, G.B. Powell (eds.). New York: Harper Collins College Publishers, 1996. Sixth edition. P. 545.

ном Карденаса Куаутемоком вышла из ее рядов и объединила вокруг себя многочисленные слабые левые партии в Партию революционной демократии (*PRD*). Только противоречия между оппозиционерами помогли *PRI* удержаться у власти: ее кандидат в президенты, Карлос Салинас де Гортари, был избран на свой пост в 1988 г., официально набрав 48,7% голосов против 31,1% у Карденаса-младшего (оппозиция обвиняла «партию власти» в массовых фальсификациях итогов выборов).¹²⁴

При этом *PRI* потерпела поражение в ряде округов на парламентских выборах, а в 1989 г. впервые в своей истории проиграла кандидату *PAN* губернаторские выборы в граничащем с США штате Баха Калифорния.¹²⁵ Однако Салинас все же смог консолидировать разрозненный лагерь своих сторонников, восстановив единство рядов «партии власти». Опираясь на реформаторское правительство технократов, а иногда прибегая и к тактическим соглашениям с *PAN*, он смог изолировать противников реформ («динозавров») внутри *PRI* и не допустить массового исхода недовольных соратников в ряды *PRD*.¹²⁶

Салинас добился заключения официального «пакта» — соглашения между правительством, бизнесом и профсоюзами о замораживании цен и зарплат, уменьшении государственных расходов и приватизации ряда государственных предприятий. Благодаря этим шагам, а также реформе налоговой системы, правительство смогло достичь реструктуризации и снижения объема внешнего долга Мексики и снижения уровня инфляции до 8% в год.¹²⁷ В 1993 г. правительство Салинаса подписало документ о вступлении Мексики в соглашение о свободной торговле в Северной Америке (*NAFTA*). Кроме того, Мексика первой из развивающихся стран (ранее причисляемых к «третьему миру») вступила в Организацию экономического

¹²⁴ Cornelius W. Politics in Mexico // Comparative Politics Today: A World View / G.A.Almond, G.B.Powell (eds.). New York: Harper Collins College Publishers, 1996. Sixth edition. P. 495; Heath J. Mexico and the Sexenio Curse: Presidential Successions and Economic Crises in Modern Mexico. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 1999. P. 29-30.

¹²⁵ Cornelius W. Politics in Mexico // Comparative Politics Today: A World View / G.A.Almond, G.B.Powell (eds.). New York: Harper Collins College Publishers, 1996. Sixth edition. P. 527.

¹²⁶ Coralles J. Presidents without Parties: The Politics of Economic Reform in Argentina and Venezuela in the 1990s. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2002. P. 256-262.

¹²⁷ Heath J. Mexico and the Sexenio Curse: Presidential Successions and Economic Crises in Modern Mexico. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 1999. P. 32-39.

сотрудничества и развития (*OECD*) — «элитного клуба» наиболее экономически развитых стран.¹²⁸

Но «проклятие сексенио» — повторение кризисов в год очередных президентских выборов — вновь настигло Мексику в 1994 г. Сперва вспыхнуло восстание индейских сепаратистов в наиболее отсталом штате страны — Чиapas, после чего центральное правительство надолго утратило контроль над этой территорией. Затем, в преддверии выборов, Мексику потрясло убийство Луиса Дональдо Колосио, незадолго до этого официально провозглашенного преемником Салинаса.¹²⁹ Новый кандидат *PRI* — Эрнесто Седильо (глава предвыборного штаба Колосио, ранее занимавший пост министра образования), смог добиться победы в острой конкурентной борьбе, избежав обвинений в фальсификации и набрав 50,2% голосов против 27% у кандидата *PAN* Севальоса и 17% у Карденаса-младшего; *PRI* также сохранила и даже упрочила большинство в парламенте. Но буквально накануне вступления Седильо в должность главы государства, в конце 1994 г., Мексику потряс самый тяжелый за два десятилетия кризис, сопровождавшийся не просто девальвацией, но крахом национальной валюты. Отток капитала из страны за неделю превысил 10 млрд долл.,¹³⁰ а свыше 2,4 млн мексиканцев потеряли работу. Правительство Седильо вынуждено было пойти на жесткие антикризисные меры: замораживание цен и зарплат, значительное повышение налогов, резкое сокращение государственных расходов, а также приватизировать многие убыточные предприятия. Седильо, которого накануне президентских выборов наблюдатели рассматривали как слабого руководителя, проявил себя успешным лидером. Ему удалось не только не допустить новых расколов в рядах «партии власти», но фактически переложить всю ответственность за финансовый кризис на своего предшественника, который вынужден был покинуть страну. Добившись получения финансовой помощи от США и кредитов МВФ, правительство лишь к концу 1996 г. смогло

¹²⁸ Cornelius W. Politics in Mexico // Comparative Politics Today: A World View / G.A.Almond, G.B.Powell (eds.). New York: Harper Collins College Publishers, 1996. Sixth edition. P. 493.

¹²⁹ Некоторые наблюдатели полагали, что его убийство было инспирировано консервативным крылом *PRI*. См.: Cornelius W. Politics in Mexico // Comparative Politics Today: A World View / G.A.Almond, G.B.Powell (eds.). New York: Harper Collins College Publishers, 1996. Sixth edition. P. 499-500. P. 494.

¹³⁰ Heath J. Mexico and the Sexenio Curse: Presidential Successions and Economic Crises in Modern Mexico. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 1999. P. 39-48; Cornelius W. Politics in Mexico // Comparative Politics Today: A World View / G.A.Almond, G.B.Powell (eds.). New York: Harper Collins College Publishers, 1996. Sixth edition. P. 495.

перейти от ликвидации последствий кризиса и новой девальвации к устойчивому росту экономики. Ему удалось устоять даже перед падением цен на нефть в 1997–1998 гг. и одновременно перед напором охватившей весь мир финансовой лихорадки (частью которой стал и российский дефолт августа 1998 г.) и, в конечном итоге, справиться с «проклятием сексенио».¹³¹

Но в политическом плане монополия *PRI* уже ушла в прошлое: стало ясно, что прежний однопартийный политический режим Мексики уже попросту не способен справляться с кризисами. Начался болезненный и мучительный процесс распада системы «дедазо», при которой сменявшие друг друга президенты не несли политической ответственности ни перед своей партией, ни перед избирателями, которые при отсутствии политической конкуренции не сталкивались с реальной альтернативой. Это побуждало глав государства жить по принципу «после нас хоть потоп», оставляя своим преемникам тяжкое наследие, и не заботиться о долгосрочных последствиях своей политики. Неспособность *PRI* к обновлению партии вела к внутрипартийным конфликтам¹³² (отчасти они напоминали кризис КПСС на рубеже 1989–1991 гг.). С одной стороны, конфликты элит открывали пространство для политической конкуренции. С другой стороны, модернизация Мексики объективно привела к серьезным социальным изменениям, ставшим причинами политических сдвигов. По мере роста и выхода на авансцену среднего класса, особенно в более обеспеченных северных штатах страны, росла и политическая поддержка *PAN*. Партия, прежде запертая в электоральное «гетто» и набиравшая не более 15% голосов, теперь не играла роль «полуоппозиции» и в 1990-е гг. начала завоевывать контроль над legislatures штатов. Но и низшие слои, служившие базой поддержки *PRI*, в особенности в бедных штатах юго-востока страны и в сельской местности, в 1990-е гг. вышли из-под контроля «партии власти». В условиях устойчивого экономического роста *PRI* успешно распределяла ресурсы и поддерживала тем самым патрон-клиентские отношения с лояльными ей массами.¹³³ Однако череда кризисов по-

¹³¹ Heath J. Mexico and the Sexenio Curse: Presidential Successions and Economic Crises in Modern Mexico. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies, 1999. P. 51-86.

¹³² См.: Langstone J. Elite Ruptures: When Do Ruling Parties Split? // Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / A. Schedler (ed.). Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006. P. 57-76.

¹³³ Различные описания см., в частности: Story D. The Mexican Ruling Party: Stability and Authority. New York: Praeger, 1986; Cothran D. Political Stability and Democracy in Mexico: The “Perfect Dictatorship”? Westport, CT: Praeger, 1994; Scott R.E. Mexican Government in Transition. Urbana, IL: University of Illinois Press, 1964.

дорвала этот механизм, что привело к переходу части бывших сторонников «партии власти» на сторону набравшей силу левой партии — *PRD*. К тому же шедший процесс децентрализации страны¹³⁴ открыл для левой и правой оппозиции новое окно политических возможностей (в ряде штатов они сотрудничали против *PRI* по принципу «негативного консенсуса», противодействуя фальсификациям выборов со стороны «партии власти»)¹³⁵.

В 1997 г. *PRI* впервые лишилась большинства в парламенте Мексики, а черта под эпохой однопартийного режима была подведена 2 июля 2000 г., когда на президентских выборах победил Висенте Фокс, баллотировавшийся от созданного под руководством *PAN* «Альянса за перемены». Фокс, ранее занимавший посты руководителя мексиканского филиала *Coca-Cola*, депутата парламента страны и губернатора штата Гуанахуато, вел свою кампанию под лозунгами борьбы с коррупцией и поддержки предпринимательства, обещая экономический рост и прекращение процветавшей при *PRI* клиентелистской практики раздачи сторонникам постов в государственном аппарате. Фоксу удалось заручиться поддержкой 43% голосов избирателей против 36% у кандидата *PRI* Франсиско Лабастиды и 16,5% у Карденаса-младшего. После 71-летнего (самого длительного в истории) господства некоммунистического режима с доминирующей партией Мексика стала «нормальной» демократической страной с обычным набором проблем, присущих новым демократиям.¹³⁶

Демократия сама по себе не решает проблем развития, и Мексика не стала исключением из общего правила. Многие сторонники Фокса рассчитывали на быстрый выход из тупика и на повышение уровня жизни при новом энергичном президенте. Но чудес на свете не бывает: хотя правительству и удалось разрешить конфликт с индейским меньшинством, положив конец восстанию в штате Чиapas, сократить бюджетный дефицит и объем внешнего долга, но высочайший уровень безработицы и полубезработицы (частичной занятости) и социальное неравенство невозможно было быстро преодолеть, а ряд заявленных реформ ограничился полумерами.¹³⁷ Запущенная Фок-

¹³⁴ См.: Ochoa-Reza E. Multiple Arenas of Struggle: Federalism and Mexico's Transition to Democracy // *Federalism and Democracy in Latin America*. P. 255-296.

¹³⁵ См.: Cornelius W., T.Eisenstadt, J.Hindley (eds.), *Sub-National Politics and Democratization in Mexico*. La Jolla: Center for US-Mexican Studies, University of California at San Diego, 1999.

¹³⁶ См.: *Journal of Democracy*, 2000. Vol. 11, № 4. P. 5-36.

¹³⁷ См.: Мексика: ожидание контрастных реформ на фоне замедления // *Бизнес за рубежом*, 31 мая 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.businesspress.ru/newspaper/article_mId_21960_ald_69027.html (доступ 17 марта 2007 г.).

сом программа приватизации сопровождалась обвинениями правительства в коррупции и потакании монополистам. Надежды быстро сменились разочарованием: в 2003 г. на новых парламентских выборах победила вернувшаяся на авансцену мексиканской политики *PRI*, которая заблокировала принятие предложенных правительством Фокса проектов налоговой и социальной реформ. Кроме того, Фокс вошел в конфликт с мэром столицы страны Мануэлем Лопесом Обрадором (*PRD*), который получил популярность у населения благодаря проведению ряда социальных программ. Попытки, предпринятые президентом, отстранить Обрадора от должности по обвинению в нарушениях закона вызывали организованные *PRD* массовые акции протеста, что заставило Фокса отступить.¹³⁸

К началу 2000-х гг. нефтяная отрасль, приносившая Мексике треть бюджетных доходов, была основательно истощена, старые месторождения нефти приносили все меньше отдачи, а инвестиции *PEMEX* в разведку и разработку новых месторождений резко снизились. Хотя при Фоксе в 2001–2002 гг. инвестиционный бюджет *PEMEX* значительно вырос, попытки Фокса провести либерализацию энергетического законодательства и допустить иностранных инвесторов в нефтяную отрасль потерпели неудачу из-за сопротивления в парламенте.¹³⁹ В 2000-е гг. на шельфе Мексиканского залива было разведано новое месторождение *Nolax-1*: по некоторым оценкам, его запасы составляют до 10 млрд баррелей, что сопоставимо с объемом всех разведанных и подтвержденных нефтяных месторождений страны, вместе взятых. Но средств на его разработку у *PEMEX* явно недостаточно: как заявлял Фокс весной 2006 г., добыча нефти может начаться не ранее чем через 8–10 лет. Так или иначе, темпы экономического роста Мексики, равно как и темпы изменений в ее нефтяной отрасли, при Фоксе оказались достаточно скромными.

Окончание срока полномочий Фокса в 2006 г. ознаменовалось самыми драматическими за всю историю Мексики выборами президента. Кандидату *PAN* Фелипе Роландо Кальдерону (министр энергетики в правительстве Фокса) противостоял харизматический Лопес Обрадор, который вел кампанию в стиле Чавеса и при поддержке последнего. Кандидат *PRI* Роберто Мадрасо выступал с позиций традиционалистских «динозавров» и потому не имел шансов на победу, но «откусывал» голоса от основных кандидатов. По итогам голосования

¹³⁸ См.: Визгунова Ю. Мексиканское меню [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/articles/5770.html> (доступ 17 марта 2007 г.).

¹³⁹ См, в частности: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.petros.ru/nik/country6.asp> (доступ 17 марта 2007 г.).

разрыв между основными кандидатами оказался мизерным: Кальдерон победил с перевесом в 257 тыс. голосов (что составило 0,54%).

Страна оказалась фактически расколота напополам по социальному и по региональному признакам.¹⁴⁰ Странники Лопеса Обрадора, обвинявшие Кальдерона в нарушениях закона при финансировании избирательной кампании, а Фокса — в применении «административного ресурса» в поддержку Кальдерона, обжаловали результаты выборов в Федеральном избирательном трибунале, объявив о начале всеобщей акции гражданского неповиновения. Тем не менее, частичный пересчет голосов подтвердил общий итог выборов, и Кальдерон был официально признан их победителем. Левые, настаивавшие на полном пересчете всех голосов, фактически захватили столицу и лишь через два месяца после выборов вынуждены были прекратить свои многотысячные митинги. Хотя попытки левых воспрепятствовать вступлению Кальдерона в должность и парализовать управление страной и не были воплощены в жизнь в полном объеме, ситуация в стране остается нестабильной, а перспективы экономических преобразований — неясными.¹⁴¹ «Сексенио» Кальдерона, вероятнее всего, станет критическим тестом на устойчивость демократических институтов в Мексике. От того, в какой мере Кальдерону и его правительству удастся справиться с многочисленными трудностями страны, на долгие годы может зависеть будущая траектория ее политико-экономического развития.

«Ресурсное проклятие» и уроки для России

Нетрудно заметить, что Венесуэла и отчасти Мексика в своем политико-экономическом развитии не избежали негативных тенденций, которые обычно связываются с «ресурсным проклятием». Прежде всего, ситуация, когда ресурсная рента от экспорта нефти стала основой благополучия этих стран, у них оказалось мало стимулов для развития других секторов своей экономики.

Так, Венесуэла еще до Второй мировой войны резко сократила объем своего сельскохозяйственного производства,¹⁴² а неоднократно предпринимавшиеся попытки использовать нефтяные доходы для развития менее прибыльных отраслей успеха не приносили. Поскольку нефтяной сектор не требует привлечения значительных

¹⁴⁰ См.: *Мировая экономика и международные отношения*, 2007, № 2. С. 97.

¹⁴¹ Подробнее см.: *Journal of Democracy*, 2007. Vol. 18, № 1. P. 73-112.

¹⁴² Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 80-81.

трудовых ресурсов — в каждой из стран в нем заняты чуть более 0,15% от всего населения (численность сотрудников *PEMEX* в начале 2000-х гг. составляла 139 000 человек, а *PDVSA* — менее 40 000),¹⁴³ то, таким образом, усугубляются и без того тяжелые проблемы безработицы.¹⁴⁴ Но наиболее ярким проявлением «ресурсного проклятия» служит «эффект прожорливости» и обусловленный им резкий рост объема государственных расходов, превышающий темпы роста доходов от природной ренты. Такого рода процессы обусловили кризисы в Мексике при Лопесе Портильо и в Венесуэле при Пересе и Кампинсе; при Чавесе доля расходов государства от ВВП Венесуэлы также выросла более чем в полтора раза (с 19% до 30%).¹⁴⁵ Как отмечала в этой связи Терри Линн Карл, в «нефтяных государствах» образуется своего рода порочный круг: «государства-рантье тратят слишком много средств и затем переходят к внешним займам, сперва дополняя, а затем замещая ими петро-доллары... долги и сверхдоходы сперва увеличиваются одновременно, взаимно усиливая друг друга, но затем их дороги расходятся: долги растут, а ресурсные доходы падают...»¹⁴⁶ Поэтому «нефтяные государства» сталкиваются с угрозами своего банкротства (примером чего служит Мексика в 1980-е гг.) или исчерпания ресурсов развития их нефтяных отраслей (как произошло в Венесуэле в 1980-е гг.). Кроме того, нестабильность доходов от экспорта нефти втягивает эти страны в порочный круг неэффективных расходов. По большей части, они вкладывают средства от ресурсной ренты в неэффективные инвестиционные проекты, которые после падения цен на нефть оборачиваются очередными долгостроями (как произошло в Венесуэле при Пересе), либо используют их на предвыборную раздачу благ избирателям по принципу «деньги в обмен на голоса». Помимо прочего, предприятия нефтяной отрасли — крупные государственные холдинги — в итоге становятся жертвами неэффективного менеджмента и злоупотреблений со стороны государства, рассматривающего их как «дойную

¹⁴³ См.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.petros.ru/nik/country6.asp> (доступ 17 марта 2007 г.).

¹⁴⁴ Справедливости ради следует отметить, что главной причиной безработицы и неполной занятости в Мексике служит высокий темп роста численности населения, до середины 1970-х гг. являвшийся одним из самых высоких в мире. См.: Cornelius W. Politics in Mexico // Comparative Politics Today: A World View / G.A. Almond, G.B. Powell (eds.). New York: Harper Collins College Publishers, 1996. Sixth edition. P. 543.

¹⁴⁵ Кораллес Х. Диктатор нового типа // Pro et Contra, 2006. Т. 10, № 1. С. 77.

¹⁴⁶ Karl T.L. The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 224.

корову» для решения собственных тактических задач (именно с этим столкнулась Венесуэла во времена Кампинса).¹⁴⁷

Не менее серьезный вызов «ресурсное проклятие» создает для политических институтов. В литературе отмечается,¹⁴⁸ что нефтяные государства демонстрируют ослабление стимулов к демократизации и усиление авторитарных тенденций по следующим причинам. Во-первых, ресурсная рента позволяет им устанавливать низкие налоги для граждан и компаний, что, в свою очередь, снижает стимулы к политическому участию (по принципу «*no taxation without representation*»).

Во-вторых, ресурсная рента дает возможность государствам увеличить социальные выплаты, что позволяет им покупать лояльность своих граждан.

В-третьих, в силу снижения контроля граждан за государством происходят снижение транспарентности и рост коррупции, отчего падает эффективность государственного аппарата и снижается качество управления. В-четвертых, на фоне роста численности аппарата управления государство стремится не допустить формирования независимых от него социальных групп, включить их в сферу своего влияния и поставить под свой контроль. В-пятых, наконец, за счет доходов от ресурсной ренты государства расширяют репрессивный аппарат, тем самым решая не только проблему политического контроля, но и отчасти проблему занятости населения. Поэтому процессы политической и экономической модернизации в нефтяных государствах приобретают искаженный характер. Предельно огрубляя, их население, хотя и живет порой в лучших условиях, чем могло бы жить без ресурсной ренты, при этом заведомо плохо управляется своими правителями, не имея ни стимулов, ни возможностей улучшить качество своих государств. Во многом эти выводы справедливы и для исследуемых случаев Венесуэлы и (в гораздо меньшей мере) Мексики. В Венесуэле «пактовая демократия» Пунто Фихо создавала рамки государственного корпоративизма, которые позволяли включать в политический процесс инсайдеров, допущенных к распределению

¹⁴⁷ Об аналогичных проблемах в деятельности российской государственной нефтяной компании «Роснефть» см.: Пусенкова Н. «Роснефть» как зеркало русской эволюции // *Pro et Contra*, 2006. Т. 10, № 2-3. С. 99-103.

¹⁴⁸ Сравнительный анализ см.: Ross M.L. Does Oil Hinder Democracy? // *World Politics*, 2001. Vol. 53, № 3. P. 325-361; применительно к России и другим постсоветским странам см.: Fish M.S. *Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Chapter 5; Щербак А. «Нефтяное проклятие» и постсоветские режимы (Политико-экономический анализ) // *Общественные науки и современность*, 2007, № 1. С. 47-56.

доходов от ресурсной ренты, и исключать из него аутсайдеров.¹⁴⁹ При Чавесе разрушение «пактовой демократии» не сопровождалось созданием новых институтов; напротив, президент страны оказался едва ли не единственным легитимным институтом, выведенным за рамки подконтрольности гражданам.¹⁵⁰ Поэтому смена режима, произошедшая после 1998 г. — с представительной «пактовой демократии» на плебисцитарную «выборную монархию»¹⁵¹ — не только не решила проблемы Венесуэлы, но усугубила их по принципу «из огня да в полымя». Чавес, выступая как своего рода современный Робин Гуд, за счет нефтяных сверхдоходов превратил бедные слои населения Венесуэлы в прикормленные им клиентелы,¹⁵² благодаря низким налогам и социальным выплатам купив их лояльность. В то же время контроль над вооруженными силами и фактическое формирование собственной частной армии дают Чавесу возможность предотвращать угрозы со стороны любых сил, которые стремятся изменить статус-кво. В результате, как отмечала Татьяна Ворожейкина, происходит не «подтягивание» Венесуэлы в целом и ее исключенных социальных слоев в частности до соответствующих современному уровню социальных, политических и экономических стандартов, а консервация отсталости и подрыв долгосрочных перспектив успешного развития страны.¹⁵³ Иными словами, нефтяное государство становится «хищническим», а не «развивающимся».¹⁵⁴

Несколько более сложной выглядит ситуация в Мексике, где часть описанных выше явлений — низкие налоги и малая вовлеченность населения в политику, корпоративизм и социальный контроль государства над гражданами — были характерны для устойчивого авторитарного режима задолго до нефтяного бума 1970-х гг. Скорее, можно говорить об ином: тот факт, что страна не смогла в полной мере испытать влияние «ресурсного проклятия», помог сперва становлению этого режима в 1930-е гг., а потом его упадку в 1980–1990-е гг., на

¹⁴⁹ См.: Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. Chapter 5.

¹⁵⁰ В современной литературе для обозначения такого рода модели господства закрепился термин «делегативная демократия». См.: O'Donnell G. *Delegative Democracy* // *Journal of Democracy*, 1994. Vol. 5, № 1. P. 55-69.

¹⁵¹ О «выборной монархии» применительно к России см.: Шевцова Л., Клямкин И. *Внесистемный режим Бориса II: некоторые особенности развития постсоветской России*. М.: Московский центр Карнеги, 1999.

¹⁵² См.: Кораллес Х. *Диктатор нового типа* // *Pro et Contra*, 2006. Т. 10, № 1. С. 76-77.

¹⁵³ *Мировая экономика и международные отношения*, 2007, № 2. С. 98-99.

¹⁵⁴ Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 236-237.

фоне снижения нефтяных цен. Трудно представить себе, как могла бы сложиться траектория политико-экономического развития Мексики, если бы эта страна (под воздействием сугубо внутривнутриполитических, а не экономических причин) не ушла с мировых нефтяных рынков после национализации нефтяной отрасли в 1938 г. Вместе с тем в 2000-е гг., в условиях высоких цен на нефть, нарождающиеся институты мексиканской демократии испытывают серьезное давление со стороны различных социальных и политических сил; их перспективы пока выглядят далеко не очевидными.

Сопоставление опыта Венесуэлы и Мексики также свидетельствует о том, что «ресурсное проклятие» не является результатом влияния одних лишь структурных факторов, которые не зависят от действий, предпринимаемых правительствами тех или иных стран. Проще говоря, оттого, что та или иная страна располагает запасами нефти (или иных природных ресурсов), вовсе не следует, что она неизбежно падет жертвой «ресурсного проклятия». Многое здесь зависит от «наследия прошлого», от влияния сложившихся в течение длительного времени механизмов политико-экономического управления и взаимосвязи государства и социальных групп общества. Хотя и в Мексике, и в Венесуэле это «наследие» было менее благоприятным, нежели в Норвегии, но более благоприятным, чем в Нигерии, все же Мексика оказалась куда менее подверженной коррозии политических институтов, нежели Венесуэла; процессы ее политической трансформации оказались более медленными, но зато более плавными.

Однако на траекторию политико-экономического развития «нефтяных государств» влияет не только «наследие прошлого», но и тот выбор между вариантами развития, который делают политики в те или иные «критические моменты» истории этих стран. В Мексике такими «критическими моментами» стали решение Карденаса о национализации нефтяной отрасли и резкое расширение масштабов добычи и экспорта нефти при Лопесе Портильо. В обоих случаях эти шаги лидеров повлекли за собой непреднамеренные последствия. Карденас в краткосрочном отношении ухудшил ситуацию в стране, но в долгосрочном плане Мексика смогла избежать «ресурсного проклятия»; действия же правительства при Лопесе Портильо возымели прямо противоположные эффекты: за краткосрочным бумом последовала череда кризисов. В Венесуэле, напротив, к погружению страны в трясину «ресурсного проклятия» вела цепочка решений, принимавшихся в различные периоды времени самыми разными лидерами. К ним можно отнести и принятие закона о нефти в 1922 г. при Гомесе (после чего страна оказалась во власти американских не-

фтяных монополий), и принятие акта об углеводородах в 1943 г. при Ангарите (что превратило налоговые доходы от «нефтянки» в основу финансовой системы страны), и пакт Пунто Фихо в 1958 г. (институционализация распределительных коалиций), и авантюрный план Переса *La Gran Venezuela*, принятый во времена нефтяного бума 1970-х и разоривший страну.¹⁵⁵ Неудачи либеральных реформ во времена «второго пришествия» Переса в начале 1990-х гг., приход к власти Чавеса и последующая конституционная реформа довершили крушение прежнего режима, но, как представляется, Венесуэла еще не испила до дна всю чашу проблем и противоречий, на которую обрекли страну предшествующие десятилетия «ресурсного проклятия». Вероятно, что в ближайшие десятилетия страну ждут новые нелегкие испытания.

Наконец, говоря о выборе политиков и стратегиях развития Мексики и Венесуэлы, следует иметь в виду не только внутривнутриполитический контекст обеих этих стран, но и влияние на эти процессы международной среды в целом и наиболее влиятельного государства — США — в особенности. В Мексике решение Карденаса о национализации «нефтянки» в 1938 г. лишь благодаря стечению обстоятельств не повлекло за собой острых столкновений с северным соседом. Но в последующие десятилетия американская поддержка служила немаловажным фактором выживания мексиканского режима: США были заинтересованы в стабильности у своих южных границ, и стабильный авторитарный режим с доминирующей партией во главе их вполне устраивал.¹⁵⁶ В свою очередь, мексиканский режим не претендовал на проведение внешнеполитического курса, представлявшего сколько-нибудь значимые проблемы для США (хотя, например, Мексика поддерживала отношения с кубинским режимом Кастро вопреки американскому бойкоту), и тем более на серьезное международное влияние. Есть основания ожидать, что Мексика будет находиться в сфере американского влияния и в обозримом будущем, особенно с учетом того, что США являются для этой страны крупнейшим работодателем, инвестором и торговым партнером,¹⁵⁷ тем более после вступления Мексики в *NAFTA*.

¹⁵⁵ Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997. P. 225.

¹⁵⁶ Подробнее о роли США в стабильности мексиканского режима см.: Cothran D. *Political Stability and Democracy in Mexico: The «Perfect Dictatorship»?* Westport, CT: Praeger, 1994. Chapter 6.

¹⁵⁷ Доля мексиканских иммигрантов в приграничных штатах США неуклонно растет и, по прогнозам, может составить большинство населения ряда территорий уже в ближайшее время.

Во всяком случае, как при Фоксе, так и при Кальдероне Мексика сохраняет свою лояльность США, хотя при этом и осуждала военное вторжение в Ирак и ряд других шагов президента Буша-младшего. В Венесуэле американское влияние было очень значимым с начала XX в.: свержение Кастро и приход к власти Гомеса, приход к власти Хименеса и его свержение, заключение пакта Пунто Фихо проходило при косвенном (а иногда и прямом) участии американских компаний и/или американского правительства.¹⁵⁸ Приход к власти Чавеса и его воинствующий антиамериканизм в известной мере стали реакцией Венесуэлы на десятилетия своего зависимого положения и на ее неспособность выбраться из тупика «ресурсного проклятия» (куда страна попала, в частности, и под влиянием США).¹⁵⁹ Нападки США на Чавеса и скрытая поддержка попыток его свержения в 2002 г. лишь усиливают эти тенденции.¹⁶⁰ Но куда в большей мере Чавес стал лидером антиамериканского протеста под воздействием других факторов: нарастания недовольства политикой США во всем мире в целом (особенно на фоне войны в Ираке) и волны «левого поворота» в Латинской Америке, которую он пытается оседлать. Ничто сегодня так не способствует этой политике Чавеса, как высокие цены на нефть. Но можно ожидать, что в долгосрочной перспективе подобный курс едва ли принесет выгоды Венесуэле: как правило, страны, стремящиеся вести на международной арене агрессивную внешнюю политику, не подкрепленную высокими внутривнутриполитическими достижениями, рано или поздно становятся наказанными за излишние амбиции.

Говоря о тех возможных уроках, которые Россия может извлечь из «нефтяного» опыта Венесуэлы и Мексики, следует разделить его экономические и политические составляющие. В экономическом плане уроки «нефтяных государств» состоят прежде всего в осознании необходимости борьбы с «эффектом прозорливости». Попытки российского правительства проводить в этом плане сбалансированную политику, призванную не допустить «проедания» средств из

¹⁵⁸ См., например: Karl T.L. *The Paradox of Plenty: Oil Boom and Petro-States*. Berkeley, CA: University of California Press, 1997; Karl T.L. *Petroleum and Political Pacts: The Transition to Democracy in Venezuela* // *Transitions from Authoritarian Rule: Latin America* / G.O'Donnell, P.Schmitter, L.Whitehead (eds.). Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986. P. 196-219.

¹⁵⁹ См., в частности: Булавин В., Дабагян Э., Семенов В. *Венесуэла в поисках альтернативы*. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2002.

¹⁶⁰ См.: Кораллес Х. *Диктатор нового типа* // *Pro et Contra*, 2006. Т. 10, № 1. С. 81-82.

специально созданного Стабилизационного фонда,¹⁶¹ говорят о том, что Россия делает шаги в данном направлении. Но многие наблюдатели указывают на то, что «ресурсное проклятие» проявляется в России как в отказе от проведения либеральных экономических преобразований,¹⁶² так и в неэффективности управления гигантскими государственными нефтяными корпорациями,¹⁶³ влияние которых особенно возросло после скандального «дела ЮКОСа» в 2003 г.¹⁶⁴ Однако не менее актуальной для сегодняшней России является и практика политических режимов обоих латиноамериканских государств. В разные периоды своей истории Мексика и Венесуэла представляли собой едва ли не идеальные типы двух моделей авторитаризма — персоналистского режима (Венесуэла при Чавесе) и режима с доминирующей партией (Мексика при *PRI*). Как представляется, именно выбор между этими моделями авторитарных режимов определяет политическую повестку дня в России накануне электорального цикла 2007–2008 гг.¹⁶⁵

Как известно, перспективы недемократических режимов различаются в зависимости от их природы. Сравнительное исследование, проведенное Барбарой Геддес, демонстрирует,¹⁶⁶ что персоналистские авторитарные режимы в среднем сохраняются не более 15–18 лет и весьма редко переживают своих создателей, хотя зачастую их крах ведет к появлению других персоналистских режимов, когда автократические лидеры (иногда в погонах, а иногда без них) лишь сменяют друг друга. Напротив, недемократические режимы с доминирующей партией куда устойчивее: они сохраняют свою власть в среднем более чем в 2 раза дольше, нежели персоналистские. Поэтому не приходится удивляться, что российские лидеры взяли курс на построение режима с доминирующей партией: в феврале 2006 г. заместитель руководителя администрации президента России Владислав Сурков поставил перед «партией власти» «Единая Россия» «серьезную задачу»: «обеспечить доминирование партии в течение

¹⁶¹ См., в частности: Кудрин А. Стабилизационный фонд: зарубежный и российский опыт // Вопросы экономики, 2006, № 2. С. 28–45.

¹⁶² См, например: Fish M.S. Democracy Derailed in Russia: The Failure of Open Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. Chapter 5.

¹⁶³ См.: Пусенкова Н. «Роснефть» как зеркало русской эволюции // Pro et Contra, 2006. Т. 10, № 2–3. С. 99–103.

¹⁶⁴ См., в частности: Tompson W. Putting ‘Yukos’ in Perspective // Post-Soviet Affairs, 2005. Vol. 21, № 2. P. 159–181.

¹⁶⁵ Подробнее см.: Гельман В. Перспективы доминирующей партии в России // Pro et Contra, 2006. Т. 10, № 4. С. 52–61.

¹⁶⁶ См.: Geddes B. Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2003. P. 47–88.

минимум 10–15 лет»¹⁶⁷ в политической системе России. Этот призыв примечателен тем, что он демонстрировал существенное увеличение временного горизонта российских властей, далеко выходящего за рамки срока полномочий Владимира Путина. Судя по достижениям «Единой России», обладающей сегодня конституционным большинством в российской Государственной думе и «контрольным пакетом» мандатов в большинстве региональных legislatures,¹⁶⁸ эти планы не являются заведомо утопическими.

Нетрудно заметить, что ряд черт мексиканского режима эпохи *PRI* — такие, как контроль президента над «партией власти», государственный корпоративизм, относительно низкая репрессивность режима, наличие слабой, подверженной манипуляциям и готовой к кооптации оппозиции,¹⁶⁹ отсутствие у режима выраженной идеологии — во многом сходны с тенденциями политического развития сегодняшней России. В какой мере мексиканская модель стабильности недемократического режима на основе господства «партии власти» имеет шансы на реализацию в России? Несмотря на успешные шаги по пути строительства «партий власти», которые предприняты путинским режимом, Кремль пока еще не сделал стратегический выбор в пользу одной из двух (недемократических) моделей. Первая из них предполагает, что доминирующая партия является главным «стержнем» режима, или, как было сказано не так давно в советской конституции, «ядром политической системы общества». Вторая основана на сохранении персоналистского господства главы государства, особенно в случае сохранения Путина у власти (де-юре либо де-факто) и после 2008 г. При таком развитии событий «партия власти» сохранится, но будет играть вспомогательную роль используемого *ad hoc* инструмента личной власти политических лидеров.

Эта дилемма не имеет решения, устраивающего весь российский правящий класс. Первый вариант сулит долгосрочные коллективные выгоды российским элитам в целом, но влечет за собой и немалые краткосрочные индивидуальные издержки. Выстраивание внутриэлитных взаимодействий в рамках доминирующей партии может при-

¹⁶⁷ Текст выступления Владислава Суркова см.: [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.edinros.ru/print.html?id=111148 (доступ 19 марта 2007 г.).

¹⁶⁸ Подробнее см.: Гельман В. От «бесформенного плюрализма» — к «доминирующей власти»? Трансформация российской партийной системы // Общественные науки и современность, 2006, № 1. С. 46–58; Hale H.E. Why Not Parties in Russia? Federalism, Democracy, and the State. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

¹⁶⁹ Подробнее см.: Гельман В. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис, 2004, № 4. С. 52–69; Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven, CT: Yale University Press, 2005.

вести к маргинализации всех несогласных с «генеральной линией» «партии власти». Напротив, второй вариант, хотя и может принести краткосрочные индивидуальные выгоды отдельным представителям элит (очевидными кандидатами на эту роль сегодня выступают «силовики»), способен обречь российскую элиту как на коллективные издержки долгосрочного плана (из-за низкой способности персоналистских режимов к преемственности), так и на краткосрочные индивидуальные издержки. Они связаны с тем, что персоналистские режимы в целом более репрессивны, нежели режимы с доминирующими партиями.

Проще говоря, их лидеры вынуждены время от времени для поддержания политической лояльности устраивать «чистки» элит, о чем свидетельствует не только советский опыт времен Сталина, но и практика правления ряда постсоветских лидеров от Лукашенко до Туркменбаши, да и тот же Чавес постоянно проводит кадровую чехарду среди своих ставленников.¹⁷⁰ Для Карденаса решение дилеммы в пользу доминирующей партии было вынужденным: без опоры на «партию власти» он не мог бы ни обеспечить собственное господство, ни успешно разрешить многочисленные кризисы, сотрясавшие Мексику.¹⁷¹ Но в сегодняшней России Путин и его потенциальные преемники располагают куда более широким набором ресурсов, и «партия власти» для них отнюдь не выглядит вынужденным решением. Однако даже если «партии власти» и удастся достичь своих целей в ходе предстоящего цикла выборов, планы ее долгосрочного доминирования могут натолкнуться на новые вызовы, связанные с иными аспектами российской политики.

Прежде всего, российская «партия власти» (по крайней мере, пока) не демонстрирует той способности включать в сферу своего влияния самые широкие слои общества, которая была присуща *PRI*. Формально в России наблюдаются сходные явления — такие, как создание вокруг «Единой России» сети явно или неявно связанных с ней молодежных организаций или попытки вовлечения в интенсивно развивающиеся корпоративистские структуры представителей бизнеса или объединений «третьего сектора». Однако за этим фасадом скрываются глубокие содержательные различия. Если мексиканская «партия власти» стремилась к кооптации независимых

¹⁷⁰ См.: Кораллес Х. Диктатор нового типа // *Pro et Contra*, 2006. Т. 10, № 1. С. 74-83; Дабаган Э. Кубинский социализм на венесуэльской почве [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.polit.ru/analytics/2007/01/12/venezuela.html (доступ 11 марта 2007 г.).

¹⁷¹ См.: Cornelius W. *Nation Building, Participation, and Distribution: The Politics of Social Reform under Cardenas* // *Crisis, Choice, and Change: Historical Studies of Political Development* / G.A. Almond, S. Flanagan, R. Mundt (eds.). Boston: Little, Brown, 1973.

и умеренно оппозиционных социетальных акторов, то в России речь идет, напротив, о патронаже в отношении лояльных акторов и стигматизации нелояльных, о чем, например, свидетельствует создание Общественной палаты.¹⁷² Помимо частных интересов участников этого процесса (связанных в том числе с «распиливанием» бюджетов и проч.), особенности российского корпоративизма обусловлены и иными причинами. В Мексике задачей «партии власти» служило «умиротворение» сильных социетальных акторов (тех же профсоюзов), что предполагало и частичное удовлетворение их запросов. Но в России социетальные акторы недостаточно сильны для того, чтобы «партия власти» вынуждена была считаться с их требованиями. Соответственно, это ведет к очевидному дисбалансу в процессе принятия решений в российской политике, когда взамен согласования интересов «партия власти» проводит навязывание тех или иных инноваций. Очевидные неудачи монетизации льгот и других мер в сфере социальной политики — характерный пример такого рода односторонних шагов, которые, в конечном итоге, нанесли ущерб самой «партии власти».¹⁷³ Другой вызов российской «партии власти» создает противоречие между ее стремлением сохранить сложившийся (благоприятный для нее) статус-кво и амбициозными планами правящих элит по модернизации страны. Если «партия власти» в Мексике 1930–1940-х гг. (как и компартия в Советском Союзе в тот же период) решала долгосрочные задачи индустриализации прежде аграрной страны, то сегодняшняя повестка дня «Единой России» совершенно иная. «Партия власти» нуждается, в первую очередь, в краткосрочных политических дивидендах, получаемых «здесь и теперь». Это создает стимулы для того, чтобы «партия власти» превращала бы объективно полезные для нее самой «национальные проекты» в очередную провальную кампанейщину, подобно тому, как поступала КПСС во времена Хрущева и Брежнева. Наконец, главными активами российского политического режима в обозримом будущем останутся все те же нефть и газ, в то время как «ресурсное проклятие», в целом способствующее усилению недемократических режимов,¹⁷⁴ скорее, благоприятствует персоналистским режимам, нежели режимам с доминирующими партиями. Высокий уровень концентрации ресурсной

¹⁷² Подробнее см.: Петров Н. Общественная палата: для власти или для общества? // Pro et Contra, 2006. Т. 10, № 1. С. 40-58.

¹⁷³ Об этих проблемах см., в частности, Рябов А. Пока не началось: от партии власти к правящей партии [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.polit.ru/research/2006/02/10/ryabov_print.html (доступ 19 марта 2007 г.).

¹⁷⁴ См.: Ross M.L. Does Oil Hinder Democracy? // World Politics, 2001. Vol. 53, № 3. P. 325-361.

ренты и низкая зависимость режима от не связанных с нефтью секторов экономики и сегментов общества ведут к тому, что потребность элит в «партии власти» как политическом инструменте снижается, а лояльность обеспечивается с помощью иных инструментов — прежде всего, популизма и селективного использования репрессивного аппарата. Об этом говорит и опыт Венесуэлы при Чавесе, и опыт других персоналистских режимов в «нефтяных государствах», в то время как Мексика, в силу описанных выше причин, выглядит, скорее, исключением, подтверждающим общее правило.

Как и большинство государств Латинской Америки, Мексика и Венесуэла относятся к категории стран со средним уровнем развития. Нефтяное богатство не принесло процветания их экономикам и не привело к успеху их режимы; даже в Мексике эпохи *PRI* политическая стабильность десятилетиями сохранялась вопреки влиянию «нефтяного фактора», а отнюдь не благодаря ему. Стремление венесуэльских и мексиканских лидеров опираться на нефть как источник экономического роста обернулось многочисленными проблемами и кризисами, а многие амбициозные планы по повышению уровня жизни граждан и снижению масштабов социального неравенства остались нереализованными. Хотя Венесуэле и Мексике удалось (по крайней мере, пока) избежать худших из возможных патологий «нефтяных государств» — таких, как длительные гражданские войны (Нигерия) и вооруженные конфликты с другими странами (Иран, Ирак), их «нефтяной» опыт трудно назвать успешным, особенно в случае Венесуэлы. Сегодняшние тенденции развития обеих этих стран расходятся все дальше друг от друга и становятся прямо противоположными. Мексика, где экономика и политика в меньшей степени зависела от нефтяной «иглы», сегодня с очень большим трудом пытается добиться консолидации своих новых демократических институтов и преодолеть социальную и политическую поляризацию, которая сформировалась после исчерпания десятилетий авторитарного режима с доминирующей партией. При всех многочисленных издержках и самой эпохи *PRI*, и долгого расставания с ней политическая трансформация Мексики все-таки протекает относительно мирно и безболезненно, по крайней мере, если сравнивать ее с динамикой других латиноамериканских стран. Но пока трудно говорить о том, в какой мере вызов «ресурсного проклятия» способен повлиять на эти процессы в Мексике. Венесуэла же в на-

чале XXI в. становится одним из немногих государств современного мира, где демократические институты оказались отброшены и обществом, и политической элитой страны. Им на смену пришел набирающий силу персоналистский режим во главе с харизматическим популярным лидером, власть которого опирается, прежде всего, на высокие мировые цены на нефть. Такое развитие событий стало логическим завершением десятилетий упадка «нефтяного государства» и разложения его политических институтов, но нынешний политический режим не только не способен решить проблемы Венесуэлы: он лишь усугубляет их, оставляя политический вакуум для последующих поколений. Будущее покажет, станет ли «ресурсное проклятие» непреодолимым препятствием, которое навсегда обрекает Венесуэлу на хронические заболевания неэффективной экономики, неустойчивых институтов и недемократического режима, либо эта страна найдет в себе силы выскочить из колеи «ресурсного проклятия», жертвой которого она пала.